

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 7 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений.....	3
условия содержания в местах лишения свободы	3
практика Европейского Суда по правам человека.....	3
вопросы неоказания надлежащей медицинской помощи.....	4
в местах лишения свободы	4
практика Европейского Суда по правам человека.....	4
вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов	4
(в том числе в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни)	4
практика Европейского Суда по правам человека.....	4
защита права лица на беспрепятственное общение с Европейским Судом по правам человека.....	11
(статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)	11
практика Европейского Суда по правам человека.....	11
В сфере гражданско-правовых отношений.....	11
защита права на свободу и личную неприкосновенность в аспекте права каждого, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на получение компенсации	11
практика Европейского Суда по правам человека.....	11
защита права лица на уважение частной и семейной жизни при публикации фотографий	12
практика Европейского Суда по правам человека.....	12
право на уважение частной (личной) жизни при публикации информации	14
об обвиняемом в средствах массовой информации	14
практика Европейского Суда по правам человека.....	14
В сфере семейных правоотношений.....	18
защита родительских прав, в том числе права на общение со своим ребенком; определение места жительства ребенка	18
практика Европейского Суда по правам человека.....	18
вопросы лишения родительских прав	37
практика Европейского Суда по правам человека.....	37
защита права бабушки, дедушки на общение с ребенком	48
практика Европейского Суда по правам человека.....	48
защита права лица на уважение семейной жизни в аспекте неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов	52
практика Европейского Суда по правам человека.....	52
В сфере гражданского судопроизводства.....	53
право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу.....	53
практика Европейского Суда по правам человека.....	53

<i>В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....</i>	<i>57</i>
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы эффективного расследования</i>	
<i>указанных фактов</i>	<i>57</i>
<i> практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>57</i>
<i> право на свободу и личную неприкосновенность</i>	<i>60</i>
<i> практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>60</i>
<i> право на справедливое судебное разбирательство</i>	<i>63</i>
<i> (право на участие защитника).....</i>	<i>63</i>
<i> практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>63</i>
<i> право на уважение частной (личной) жизни (незаконное проникновение сотрудников</i>	
<i> правоохранительных органов в жилище).....</i>	<i>63</i>
<i> практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>63</i>

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

№ 61766/11 и по 7 другим жалобам **«Кожокарь и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 года);

№ 17181/09 **«Лесникович против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 апреля 2018 года);

№ 2199/05 и по 7 другим жалобам **«Чернов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года), по результатам рассмотрения которых Судом было установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² ввиду необеспечения заявителей надлежащими условиями содержания в местах лишения свободы, в том числе во время их транспортировки, нахождения в исправительных учреждениях.

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² Далее – Конвенция.

*вопросы неоказания надлежащей медицинской помощи
в местах лишения свободы*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 38777/04 и по 5 другим жалобам **«Ковалев и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 года), которым установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции *в связи с неоказанием заявителям надлежащей медицинской помощи* во время содержания их под стражей.

*вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов
(в том числе в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 56987/15 **«А.Б.В. против Российской Федерации»** (вынесено 2 октября 2018 года, вступило в силу 2 января 2019 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением права заявителя на уважение семейной жизни ввиду необеспечения исполнения решения суда об установлении отцовства и об определении порядка общения с ребенком³.

Суд напомнил, что понятие «семья» по смыслу статьи 8 Конвенции не ограничивается только брачными отношениями и может включать также иные фактические «семейные» связи, когда стороны проживают совместно, не зарегистрировав брак. Ребенок, рожденный в таких отношениях, в силу самого закона является частью «семьи» с момента и в силу самого факта своего рождения (пункт 64 постановления).

Вместе с тем, – продолжил Суд, – одного лишь биологического родства между биологическим родителем и ребенком без дополнительных правовых или фактических элементов, указывающих на существование тесных личных взаимоотношений, недостаточно для того, чтобы задействовать защиту по статье 8 Конвенции. Как правило, совместное проживание является обязательным требованием для наличия отношений, представляющих собой семейную жизнь. В исключительных случаях другие факторы также могут

³ Заявитель жаловался на делящееся отсутствие доступа к его дочери и на неоказание внутригосударственными органами власти эффективной помощи ему в осуществлении права на общение с ребенком.

продемонстрировать, что отношения носят достаточно постоянный характер, чтобы создать *фактическую* «семейную связь» (пункт 65 постановления).

Предполагаемая семейная жизнь, по мнению Суда, может в исключительных случаях подпадать под действие статьи 8 Конвенции тогда, когда семейная жизнь, еще не создана в полной мере, имеет место не по вине заявителя. В частности, если это обусловлено обстоятельствами, то понятие «семейная жизнь» должно включать потенциальные отношения, которые могут сложиться между внебрачным ребенком и биологическим отцом. Соответствующие факторы, которые могут определить реальное существование тесных личных связей в этих случаях, включают природу отношений между биологическими родителями и демонстрируют заинтересованность и желание отца участвовать в жизни ребенка как до, так и после его рождения (пункт 66 постановления).

Суд посчитал, что выводы внутригосударственных судов подразумевали следующее – отношения между заявителем и его дочерью подпадают под определение понятия «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции. При этом Суд обратил внимание на то, что взаимное удовольствие, получаемое родителем и ребенком от общества друг друга, является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции (пункт 68 постановления).

Суд подтвердил, основным предметом статьи 8 Конвенции является защита лиц от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Также могут иметь место и позитивные обязательства, присущие фактическому «уважению» семейной жизни (пункт 69 постановления).

Суд отметил: «[о]бязательство внутригосударственных органов власти принимать меры для способствования встречам между родителем и ребенком не является абсолютным, особенно когда они являются друг для друга посторонними людьми. Такой доступ не может быть предоставлен незамедлительно и может потребовать принятия подготовительных мер. Природа и степень подобной подготовки зависит от обстоятельств каждого конкретного дела, но понимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон всегда имеют большое значение. Хотя национальные органы власти должны приложить все усилия для облегчения такого сотрудничества, любое обязательство применять принудительные меры в этой области должно быть ограничено, поскольку должны учитываться интересы (а также права и свободы) всех заинтересованных лиц, как и интересы ребенка и его права по статье 8 Конвенции. Если контакт с родителем может угрожать таким интересам, или нарушать их права, национальные власти должны достичь справедливого баланса между ними. Решающим фактором является то, приняли ли национальные органы власти все необходимые меры для получения такого доступа, какие можно разумно требовать в особых обстоятельствах каждого конкретного дела.... В этом контексте адекватность мер определяется скоростью их реализации, поскольку в случае раздельного

проживания ребенка и родителя истечение времени может повлечь неустрашимые последствия для их взаимоотношений» (пункт 70 постановления).

Суд посчитал, что основным в настоящем деле является вопрос о том, приняли ли российские органы власти все надлежащие меры, реализации которых можно разумно требовать для того, чтобы способствовать общению в соответствии с решением от 24 января 2014 года⁴.

Суд изначально отметил – заявитель и мать ребенка А.Д. прекратили совместное проживание через несколько месяцев после рождения их дочери в июле 2010 года. Они поддерживали связь как до, так и после рождения ребенка и договорились между собой об общении заявителя с ребенком. Однако начиная с января 2011 года А.Д. начала препятствовать общению заявителя с ребенком. Это вынудило заявителя добиваться в судах установления его отцовства в отношении его дочери и определения порядка общения. 24 января 2014 года районный суд признал отцовство заявителя и определил его право на общение с дочерью. Поскольку А.Д. отказалась соблюдать порядок общения, 5 декабря 2014 года заявитель обратился в службу судебных приставов, требуя возбудить исполнительное производство (пункт 72 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, служба судебных приставов возбудила исполнительное производство лишь спустя восемь месяцев, то есть 10 августа 2015 года. Еще почти месяц (в октябре 2015 года) потребовался для того, чтобы передать исполнительное производство из службы судебных приставов во вновь созданный межрайонный отдел судебных приставов.

Судом также было установлено – в период с августа 2015 года по февраль 2016 года судебный пристав пытался связаться с А.Д. только по телефону и отправлял ей уведомления об исполнении по почте. Лишь в феврале и марте 2016 года, соответственно, судебный пристав впервые явился по месту предполагаемого жительства А.Д. и направил запросы с целью установить фактическое место жительства ребенка. В период с апреля по июль 2016 года в исполнительном производстве не было никакого прогресса за исключением получения письменных заявлений А.Д. и наложения на нее штрафа (пункт 74 постановления). Суд также обратил внимание – в июле 2016 года исполнительное производство было приостановлено. Оно было возобновлено двумя месяцами позже (в сентябре 2016 года), после того как суд признал решение о приостановлении исполнительного производства незаконным.

⁴ 24 января 2014 года районный суд постановил аннулировать регистрацию А.К. (сожитель матери ребенка, А.Д.) в качестве отца ребенка, установил отцовство заявителя в отношении ребенка и постановил, что заявитель может общаться со своей дочерью по месту жительства А.Д. в первую субботу и второе воскресенье каждого месяца с 11:00 до 17:00.

Как усматривалось из текста постановления, последующие меры по исполнению постановления, принятые в ноябре и декабре 2016 года, ограничивались наложением на А.Д. административного штрафа за неисполнение решения от 24 января 2014 года и запретом покидать территорию Российской Федерации (пункт 76 постановления).

Суд отметил, что лишь 4 февраля 2017 года внутригосударственные органы власти наконец организовали первую встречу между заявителем и его дочерью – более чем через два года после того, как заявитель обратился во внутригосударственные органы власти за помощью в обеспечении общения с ребенком в соответствии с решением от 24 января 2014 года. Несмотря на тот факт, что общая обстановка во время встречи была достаточно напряженной, заявителю не было оказано никакой помощи в ходе последующих встреч 12 февраля и 4 марта 2017 года, которые так и не состоялись, поскольку в первом случае А.Д. воспротивилась встрече, а во втором случае ее с ребенком не было дома в назначенное время. Вместе с тем, как следовало из материалов дела, в марте и апреле 2016 года судебный пристав решил задействовать в исполнительном производстве психолога. Но нет никаких доказательств того, что психологом была проведена консультация для того, чтобы подготовить ребенка и заявителя к встрече друг с другом; судя по всему, такая консультация была очень важна для восстановления связи между отцом и дочерью, которая прервалась в январе 2011 года. Исполнительное производство еще не было завершено. Это лишь усугубляет ситуацию, когда заявитель не мог общаться со своим ребенком (пункт 77 постановления).

Учитывая вышеизложенное, Суд посчитал: внутригосударственные органы власти не действовали достаточно быстро и не приняли разумные меры для того, чтобы способствовать воссоединению заявителя и ребенка. Напротив, бездействие властей заставило заявителя прибегнуть к ряду средств правовой защиты в попытке реализовать свои права.

Суд не упустил из виду тот факт, что задача внутригосударственных органов власти осложнялась натянутыми отношениями между заявителем и А.Д. Однако отсутствие сотрудничества между разведенными родителями не является обстоятельством, которое может само по себе освободить власти от их позитивного обязательства по статье 8. Оно, скорее, по мнению Суда, налагает на власти обязательство принять меры для согласования конфликтующих интересов сторон, учитывая интересы ребенка как первоочередные. В настоящем деле нет никаких указаний на то, что власти приняли какие-либо практические меры, которые, во-первых, способствовали бы сотрудничеству сторон в соблюдении порядка общения, и, во-вторых, обеспечили бы конкретную помощь со стороны компетентных государственных служащих в рамках конкретной правовой системы, отвечающую нуждам разведенных родителей и их несовершеннолетнего ребенка. В любом случае, нет никаких указаний на то, что именно конфликт

между заявителем и А.Д. являлся причиной задержек в исполнительном производстве и его неэффективности (пункт 79 постановления).

Суд также отметил – внутригосударственные органы власти в течение нескольких лет терпели незаконные действия А.Д., которые они обязаны были предотвратить. Помимо наложения на А.Д. исполнительского сбора и административного штрафа они не применили никаких других санкций для того, чтобы заставить ее сотрудничать. Более того, нет доказательств того, что наложенный на А.Д. сбор и административный штраф были фактически взысканы (пункт 80 постановления).

Суд пришел к следующему выводу – невзирая на пределы свободы усмотрения, которыми пользуются соответствующие органы власти, и, учитывая интересы всех сторон, органы власти не приняли всех необходимых мер, принятия которых можно было разумно требовать для реализации порядка общения, установленного решением от 24 января 2014 года.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 62526/15 *«Муружева против Российской Федерации»* (вынесено 15 мая 2018 года, вступило в силу 15 августа 2018 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением прав заявительницы на уважение семейной жизни ввиду длительного неисполнения решения об определении с ней места жительства ее детей⁵.

Суд обратил внимание: «[о]сновным предметом статьи 8 Конвенции является защита лиц от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Могут также существовать позитивные обязательства, сопряженные с эффективным «уважением» семейной жизни... В делах, где возникают споры относительно общения и проживания детей между родителями и (или) другими членами семьи ребенка..., согласно прецедентной практике Суд систематически принимал решение, что данное положение Конвенции включает, среди прочего, право родителя на осуществление мер в целях его воссоединения с ребенком, а также обязательство национальных властей принимать такие меры» (пункт 49 постановления).

«В то же время, – продолжил Суд, – обязательство национальных органов власти по принятию мер для содействия воссоединению не является абсолютным, поскольку воссоединение с ребенком, который какое-то время проживал с другим родителем, не может случиться незамедлительно и может потребовать принятия подготовительных мер. Природа и степень подобной подготовки зависит от обстоятельств каждого конкретного дела, но

⁵ Заявительница жаловалась, что власти не исполнили в принудительном порядке решение от 25 июня 2014 года, определившее место жительства с ней ее детей.

понимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон всегда имеют большое значение. Поскольку национальные органы власти должны делать все возможное в целях облегчения такого сотрудничества, любые обязательства по принудительному обеспечению в этой сфере должны быть ограничены в интересах прав и свобод всех заинтересованных лиц, которые необходимо принимать во внимание, в частности, интересов ребенка и его или ее прав согласно статье 8 Конвенции... Достаточность мер определяется быстротой их реализации, поскольку течение времени может повлечь неустранимые последствия для отношений между ребенком и родителем... Несмотря на то, что принудительные меры в отношении ребенка нежелательны в данной деликатной области, не следует отказываться от применения санкций в случае незаконного поведения родителя, с которым живет ребенок» (пункт 50 постановления).

Суд отметил – стороны не оспаривали тот факт, что связь между заявительницей и ее детьми представляла собой «семейную жизнь» для целей статьи 8 Конвенции. Кроме того, решение районного суда от 25 июня 2014 года, предписывающее проживание детей в возрасте шести и двух лет с их матерью, оставалось неисполненным уже три с половиной года. Соответственно, требовалось определить, предприняли ли национальные власти в конкретных обстоятельствах дела все необходимые шаги, которые, по их мнению, следовало бы на разумных основаниях осуществить для содействия принудительному исполнению постановления (пункт 51 постановления).

Суд установил: 24 ноября 2014 года районный отдел судебных приставов возбудил исполнительное производство. 2 февраля 2015 года исполнительное производство было передано в отдел судебных приставов в другой субъект Российской Федерации. 8 апреля 2015 года районный суд признал решение от 2 февраля 2015 года незаконным. Органам власти понадобилось четыре с половиной месяца для определения отдела судебных приставов, компетентного для ведения исполнительного производства. Несмотря на решение от 8 апреля 2015 года о том, что передача исполнительного производства из одного субъекта Российской Федерации в другой субъект Российской Федерации, являлась незаконной, только через пять месяцев (17 сентября 2015 года) документы для принудительного исполнения вернулись обратно в районный отдел судебных приставов (пункт 52 постановления).

Суд далее отметил, что после возбуждения исполнительного производства 24 ноября 2014 года только спустя четыре месяца (23 марта 2015 года) была предпринята первая попытка принудительного исполнения постановления. В период с марта по апрель 2015 года детей четыре раза пытались возратить. Однако, по-видимому, судебные приставы не предприняли никаких подготовительных мер для осуществления запланированных попыток принудительного исполнения, особенно с учетом

того, что с января 2014 года дети жили с их бабушкой и дедушкой. В результате дважды принудительное исполнение не могло быть осуществлено, потому что дети находились за пределами территории субъекта Российской Федерации, и в двух случаях – из-за их эмоционального состояния. Кроме того, Суд отметил, что действия судебных приставов во время попытки вернуть детей 16 апреля 2015 года были признаны незаконными национальными судами (пункт 53 постановления).

Суд также обратил внимание на то, что последующие попытки добиться исполнения решения от 25 июня 2014 года состоялись два месяца спустя, в июне 2015 года. В период с июня по август 2015 года пять дат были назначены судебными приставами для исполнения постановления, однако ни в одну из них это не могло осуществиться ввиду отсутствия заявительницы. Документы, содержащиеся в материалах дела, объясняют ее отсутствие в эти сроки. Нет никаких доказательств того, что она была должным образом уведомлена. Поэтому неспособность судебных приставов приступить к принудительному исполнению в тех случаях не может быть отнесена к заявительнице (пункт 54 постановления).

Суд далее отметил: «с октября 2015 года по февраль 2016 года на Р.М. (отца ребенка) было наложено несколько административных штрафов за несоблюдение законных требований судебных приставов и неисполнение решения от 25 июня 2014 года, а также плату за исполнение. Общий размер штрафов составил 14 000 рублей». Тем не менее, ничто в материалах дела не указывало на то, что рассматриваемые штрафы фактически были взысканы с Р.М. (пункт 55 постановления).

Суд далее отметил, что, ограничив право Р.М. на передвижение и управление транспортным средством и начав розыск детей в январе-феврале 2016 года, в мае 2016 года судебные приставы предприняли еще одну попытку добиться исполнения решения от 25 июня 2014 года. Однако они не смогли должным образом уведомить заявительницу, и, поэтому, не могли приступить к принудительному исполнению в ее отсутствие (пункт 56 постановления).

Суд резюмировал – решение от 25 июня 2014 года, определяющее место проживания детей с заявительницей, оставалось неисполненным в течение почти четырех лет, большей части жизни детей, со всеми последствиями, которые могут оказать влияние на их физическое и психическое здоровье. По-видимому, ни разу в течение этого периода у заявительницы не было возможности пообщаться со своими детьми.

Учитывая вышесказанное и не игнорируя сложности, создаваемые сопротивлением Р.М., Суд пришел к заключению о том, что российские органы власти не смогли без ненужных проволочек принять все меры, которых от них можно было ожидать для исполнения судебного решения о предоставлении заявительнице права опеки над ее детьми.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 32013/07 «**Попов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции ввиду несвоевременного исполнения судебного акта, предусматривающего взыскание в пользу заявителя денежной компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование.

*защита права лица на беспрепятственное общение с Европейским Судом по правам человека
(статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 2199/05 и по 7 другим жалобам «**Чернов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года), которым установлено нарушение в отношении ряда заявителей статьи 34 Конвенции ввиду создания препятствий осуществлению права заявителей на подачу индивидуальной жалобы в Суд, выразившихся в неоднократном помещении одного из заявителей в штрафной изолятор вскоре после коммуникации его дела властям, в непредоставлении другому заявителю допуска к адвокату и к материалам дела, а также из-за цензуры переписки одного из заявителей с Судом, районным судом и давления, оказанного администрацией учреждения в связи с направлением жалобы в Суд.

В сфере гражданско-правовых отношений

защита права на свободу и личную неприкосновенность в аспекте права каждого, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на получение компенсации

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 32013/07 «**Попов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 года), которым установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд вновь напомнил, что «право на получение компенсации, закрепленное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, возникает в случае установления Судом или национальными судами, прямо или по существу, нарушения одного из других четырех пунктов данной статьи» (пункт 23 постановления).

Европейский Суд установил нарушение статьи 5 Конвенции, поскольку заявитель был произвольно лишен свободы 14 июня 2007 года. Национальные суды, – отметил Суд, – посчитали, что заявитель не имеет права на получение какой-либо формы компенсации, поскольку события, которые произошли 14 июня 2007 года, не являлись лишением свободы. Совершенно очевидно, что заявитель не обладал осуществимым правом на получение компенсации за лишение его свободы, что, как было установлено, являлось нарушением статьи 5 Конвенции (пункт 24 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобам № 11436/06 и 22912/06 **«Митянин и Леонов против Российской Федерации»** (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года), которым также было установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием М. под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года и содержанием Л. под стражей в период с 20 февраля до 21 апреля 2004 года.

защита права лица на уважение частной и семейной жизни при публикации фотографий

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 13812/09 **«Богомолова против Российской Федерации»** (вынесено 20 июня 2017 года, вступило в силу 13 ноября 2017 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду несоблюдения прав заявительницы и ее несовершеннолетнего сына на уважение их частной и семейной жизни в связи публикацией фотографии сына заявительницы без ее согласия на обложке брошюры, посвященной усыновлению детей-сирот⁶.

Суд напомнил: «[п]онятие «частная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции представляет собой широкую концепцию, которая распространяется на ряд аспектов, касающихся идентичности, таких как имя

⁶ Заявительница жаловалась, ссылаясь на статью 8 Конвенции, от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына, что неправомерная публикация фотографии ее сына на брошюре, изданной для муниципального центра защиты детей, нарушила их личную и семейную жизнь. Она также жаловалась на то, что национальные суды не смогли защитить ее право и право ее сына на уважение их частной и семейной жизни.

или изображение лица, а кроме того, включает физическую и психологическую неприкосновенность... Суд также признал – репутация... и честь человека... составляют часть его идентичности и психологической неприкосновенности и, следовательно, также входят в сферу его «частной» жизни. Для применения статьи 8 Конвенции посягательство на репутацию человека должно достигнуть определенной степени серьезности и произойти таким образом, чтобы помешать человеку пользоваться его правом на уважение частной жизни» (пункт 51 постановления).

«Что касается фотографий, – Суд заявил, – изображение является одним из главных атрибутов личности, поскольку оно раскрывает уникальные характеристики человека и отличает его от остальных лиц. Таким образом, право на защиту своего изображения является одним из важнейших компонентов личностного развития и предполагает право контролировать использование этого изображения. Главным образом это предполагает право человека контролировать использование своего изображения, включая право отказаться от его публикации» (пункт 52 постановления).

Суд отметил: «хотя основным объектом статьи 8 Конвенции является защита личности от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, она не просто вынуждает государство воздерживаться от такого вмешательства: помимо этого обязательства негативного характера могут также возникать позитивные обязательства, связанные с эффективным уважением частной и семейной жизни. Такие обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений людей между собой. Это также относится к защите изображения человека от неправомерного применения другими людьми» (пункт 53 постановления).

Суд обратил внимание – между сторонами существовала согласованная позиция: на фотографии, опубликованной в брошюре, где была размещена фотография сына заявителя, сделанная, когда мальчик был в отпуске, было выпущено 200 экземпляров брошюры с фотографией мальчика, и многие из них были распространены. Кроме того, не оспаривался факт – публикация фотографии не сопровождалась какой-либо информацией или комментариями относительно самой заявительницы. Тем не менее Суд посчитал, что влияние публикации фотографии на репутацию заявительницы достигло определенного уровня серьезности и ущемило возможность заявительницы пользоваться правом на уважение ее частной жизни. Учитывая вышесказанное, Суд пришел к выводу – публикация фотографии подпадала под действие понятия «частная жизнь» заявительницы и ее сына по смыслу статьи 8 Конвенции (пункт 54 постановления).

Суд отметил следующее – приняв решение отклонить требования заявительницы, национальные суды установили, что фотография была сделана с разрешения заявительницы и что заявительница не установила

никаких ограничений или условий для ее использования. Однако они не смогли проверить, дала ли она согласие на публикацию фотографии.

Кроме того, данное дело касалось такой публикации фотографии, которая, по крайней мере, путем умозаключений, могла давать основание полагать, что сын заявительницы является сиротой. Следовательно, оспариваемая публикация могла создать у читателей ложное впечатление – у сына заявительницы не было родителей или его родители отказались от него. Любое из этих или других подобных ложных впечатлений могло нанести ущерб общественному восприятию семейной связи и отношений между заявительницей и ее сыном (пункт 57 постановления).

Вышеуказанные соображения дали Суду основания признать наличие нарушения статьи 8 Конвенции.

*право на уважение частной (личной) жизни при публикации информации
об обвиняемом в средствах массовой информации*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобам № 11436/06 и 22912/06 *«Митянин и Леонов против Российской Федерации»* (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с публикацией фотографии заявителя М., являвшегося обвиняемым по уголовному делу, и из-за содержания статьи.⁷

Суд напомнил: «в соответствии со статьей 8 Конвенции государство может иметь положительное обязательство защищать «личную жизнь» лиц, в отношении которых ведется уголовное производство» (пункт 107 постановления).

Суд обратил внимание на следующее – «[с]тандарты, выработанные в делах, касающихся статьи 10 Конвенции, применяются, когда дело (как настоящее дело), возбуждается «жертвой» свободы слова, чьи права, гарантированные статьей 8, были нарушены. Что касается дел, в которых утверждается о нарушении прав, гарантированных статьей 8, и предполагаемое вмешательство в эти права является результатом свободы выражения, то Европейский Суд уже устанавливал, что предоставляемая государством защита должна пониматься как защита с учетом его обязательств по статье 10 Конвенции. В делах, касающихся газетной статьи,

⁷ Первый заявитель жаловался на содержание газетной статьи и сопутствующую публикацию его фотографии, утверждая, что она нарушила презумпцию невиновности. Он также по сути жаловался на то, что вышеупомянутые факты представляли собой непропорциональное вмешательство в его личную жизнь в связи с прекращением дела по его иску о защите чести и достоинства, поданному против газеты.

защита личной жизни должна быть поставлена на разные чаши, в частности, со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции... В принципе, права, гарантируемые этими положениями, заслуживают равного уважения, и результат не должен в принципе отличаться в зависимости от того, подана ли жалоба на основании статьи 10 или статьи 8 Конвенции. Следовательно, пределы усмотрения должны совпадать с любой цитируемой статьей... «Если установление баланса между этими двумя правами осуществлено национальными органами власти в соответствии с критериями, изложенными в прецедентно[й] [практике] Европейского Суда, то Суду потребуются веские причины для подмены мнения внутригосударственных судов собственным мнением. Иными словами, Суд предоставляет государству широкие пределы свободы усмотрения, когда государство должно установить справедливый баланс между конкурирующими частными интересами или конкурирующими конвенционными правами...» (пункт 108 постановления).

Суд также повторил: «пресса, как правило, должна иметь право добросовестно ссылаться на содержание официальных сообщений без необходимости проведения независимых исследований... Это означает, что журналисты должны иметь возможность сообщать о событиях на основании информации, полученной из официальных источников, без проведения дополнительной проверки достоверности фактов, представленных в официальном документе... Недавно Суд применил этот подход к информации, предоставленной в устной форме государственным обвинителем, отвечающим за связь органов прокуратуры с прессой, что послужило достаточной фактической основой для статьи, которая была «основана» на этой информации» (пункт 109 постановления).

Что касается использования фотографии, то Суд посчитал – если фотография, опубликованная в контексте сообщения о ведущемся уголовном процессе, сама по себе не имеет информационной ценности, то должны быть веские основания для оправдания вмешательства в право подсудимого на уважение его личной жизни. В случае публикации фотографии, по мнению Суда, следует принимать во внимание следующие элементы: положение заявителя, положение газеты, а также характер и предмет рассматриваемой статьи (пункт 110 постановления).

Суд отметил, что заявитель не привел никаких конкретных аргументов в пользу того, что рассмотрение его иска о защите чести достоинства, поданного против газеты, было осуществлено не «в соответствии с законом». В рассматриваемом Судом деле основной вопрос заключался в том, обеспечили ли внутригосударственные суды надлежащий баланс между его правами и правами газеты.

Суд повторил – для того чтобы задействовать статью 8 Конвенции, посягательство на репутацию или честь должно достичь определенного уровня, и характер такого посягательства должен оказать отрицательное

воздействие на его пользование правом на уважение личной жизни. Стороны не оспаривали тот факт, что публикация фотографии заявителя вместе с утверждением о его преступном поведении, в котором ему приписывается модель соответствующих преступных действий, достигла необходимого уровня серьезности (пункт 112 постановления).

Стороны согласились с тем, что вопрос, касающийся публикации фотографии заявителя в газетной статье, подлежал регулированию на национальном уровне в соответствии со статьей 152¹ Гражданского кодекса Российской Федерации, и Суд согласился со сторонами в этом. Суд отметил – национальные суды оправдали публикацию фотографии, сославшись на исключение из установленного законом правила о необходимости получения согласия, заявив, что публикация фотографии служила общественным интересам. Суды заявили следующее – распространение фотографии может помочь в сборе дополнительной информации и найти очевидцев преступлений, являющихся предметом расследования (или очевидцев других преступлений). У Суда не было оснований сомневаться в том, что это было оправданной мерой ввиду характера и масштабов предполагаемой преступной деятельности (пункт 113 постановления).

Относительно содержания статьи, заявитель, по сути, утверждал: «тот вид, в котором он был изображен в статье, отрицательно сказался на его репутации и чести. Заявитель также [отметил], что во избежание неоправданного посягательства на его репутацию или честь газета должна была проявить больше осторожности при представлении информации, полученной из официального источника. По состоянию на дату публикации, заявителю, который являлся осужденным, отбывающим срок тюремного заключения за другое преступление, еще не было предъявлено официальное обвинение в членстве в преступном сообществе (он был просто подозреваемым); более того, в то время он еще не предстал перед судом и не был осужден по этому обвинению» (пункт 114 постановления).

Стороны согласились с тем, что оспариваемая статья касалась вопроса, представлявшего общественный интерес, а именно – вопроса о расследовании, которое проводилось в отношении преступного сообщества; как указывалось в статье, в этом регионе это было первое столь масштабное расследование по такому обвинению. Стороны не оспаривали факт того, что рассматриваемая статья способствовала «обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес». Как уже упоминалось выше, общественность в принципе заинтересована в том, чтобы быть информированной и иметь возможность получать информацию об уголовном процессе, строго соблюдая при этом презумпцию невиновности. Однако степень этой заинтересованности может изменяться в ходе разбирательства в зависимости от различных факторов, таких как степень известности данного лица, обстоятельства дела и любые дальнейшие события, возникающие в ходе разбирательства. В этой связи Суд заявил, что

особенно на ранней стадии уголовного судопроизводства разглашение информации о личности подозреваемого может представлять особую проблему, и национальные суды могут принимать меры для защиты его от «суда в средствах массовой информации» и соблюдения презумпции невиновности (там же). Учитывая, что данная публикация способствовала обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес, в деле было мало возможностей для ограничений в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции (пункт 115 постановления).

Европейский Суд также отметил: «заявитель не являлся ни публичной фигурой, ни лицом, которое ранее пользовалось вниманием общественности. Однако вопрос о том, является ли лицо, чьи интересы были нарушены в результате освещения в средствах массовой информации, публичной фигурой, представляет собой лишь один из элементов, которые следует принимать во внимание... Стороны не оспаривали методы, при помощи которых была получена информация. Информация была предоставлена государственным органом, и стороны не оспаривали законность этих действий. Что касается формы рассматриваемой статьи, то Суд отме[тил], что использованный в ней язык не был ни оскорбительным, ни провокационным. Кроме того, заявитель не являлся центральной фигурой в статье; предмет статьи скорее касался других лиц, которые были недавно задержаны. Поэтому Суд не [смог] установить, что раскрытие личности истца было равносильно «судебному разбирательству в СМИ». Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что оспариваемая статья имела некоторые последствия для его «личной жизни». Поскольку суть иска, касающегося покушения на его репутацию или честь, была основана на утверждениях о новом (то есть недавно выявленном) преступном поведении, можно признать, что тот факт, что заявитель отбывал срок тюремного заключения, имел некоторое отношение к этому вопросу, хоть и небольшое» (пункт 116 постановления).

По мнению Суда, заявитель не поднимал какой-либо отдельный вопрос в отношении вышеуказанных соображений. По утверждению заявителя, основной вопрос касался достоверности содержащейся в статье информации. И, действительно, вопрос о том, является ли лицо членом банды, представляется не просто основанием для предположений, а фактическим утверждением, которое может требовать соответствующих доказательств. При таких обстоятельствах, несмотря на свободу усмотрения, предоставляемую внутригосударственным судам в отношении квалификации высказывания как констатации факта или оценочного суждения, Суд счел, что эта фраза представляла собой констатацию факта (пункт 117 постановления).

Суд признал – формулировка фразы, в которой заявитель рассматривался как «член банды», могла вызвать беспокойство, учитывая в частности тот факт, что его обвиняли в связанном преступлении. Тем не

менее, Суд подчеркнул следующее – оспариваемому заявлению предшествовал параграф, в котором пояснялось, что недавно арестованные лица «обвинялись» (в обычном, а не в юридическом смысле) в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса. В статье также имелась вводная фраза, в которой говорилось, что данные лица «обвиняются» в руководстве преступным сообществом. В какой-то части статьи упоминалось, что задержанные являются подозреваемыми. Если рассматривать статью в целом, то можно понять, что в то время заявитель лишь подозревался в совершении преступления, связанного с членством в преступной банде и с ее предположительно незаконной деятельностью. Европейский Суд согласился с внутригосударственными судами в том, что журналист добросовестно ссылаясь на официальный источник, поскольку статья была основана на официальной информации (пункт 118 постановления).

Суд резюмировал, государство-ответчик не нарушило своего позитивного обязательства по статье 8 Конвенции в связи с публикацией фотографии заявителя и содержанием статьи.

Также следовало отметить – заявитель не представил никаких дополнительных конкретных аргументов, предполагающих, что внутригосударственные суды, рассматривавшие его иск о защите чести и достоинства, не смогли должным образом соблюсти баланс между правом на свободу выражения мнения и правом на уважение его «личной жизни», принимая во внимание целый ряд соответствующих фактических и юридических элементов. Он также не утверждал, что внутригосударственные суды не применили стандарты, которые соответствовали принципам, закрепленным в статьях 8 и 10 Конвенции, или не основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (пункт 120 постановления).

В сфере семейных правоотношений

защита родительских прав, в том числе права на общение со своим ребенком; определение места жительства ребенка

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 72931/10 «**В.Д. против Российской Федерации**» (вынесено 9 апреля 2019 года, вступило в силу 9 сентября 2019 года), которым отклонена как необоснованная жалоба заявителей (опекуна несовершеннолетнего и членов ее семьи) на якобы незаконную передачу по решению суда находившегося под опекой ребенка (Р.) его биологическим родителям. Вместе с тем установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду несоблюдения права на

уважение семейной жизни заявителей в связи с решением суда, которым отказано в удовлетворении их требований о доступе к Р. без учета сложившихся между ними семейных связей и на основании положений Семейного кодекса Российской Федерации, не позволяющих лицам, не являющимся родственниками несовершеннолетнего, требовать доступа к ребенку⁸.

Суд напомнил, что в соответствии со статьей 8 Конвенции понятие «семейная жизнь» не ограничивается брачными отношениями и может охватывать другие фактические «семейные» связи, когда стороны живут вместе вне брака или когда существуют другие факторы демонстрирующие, что отношения носили достаточно постоянный характер. Вопрос наличия или отсутствия «семейной жизни» в целях статьи 8 Конвенции является главным образом вопросом факта, который зависит от действительного существования на практике тесных личных отношений (пункт 90 постановления).

В предыдущих делах Суд уже устанавливал – отношения между приемными родителями и приемным ребенком, которые проживают вместе на протяжении многих месяцев, представляют собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции, несмотря на отсутствие между ними биологического родства. Суд принял во внимание тот факт, что между приемной семьей и ребенком возникла тесная эмоциональная связь, подобная той, которая существует между родителями и детьми, и приемная семья вела себя во всех отношениях как надлежит родителям (пункт 91 постановления).

В настоящем деле стороны не оспаривали наличие семейных связей между заявителями и Р. до его передачи его биологическим родителям. Суд установил, хотя между заявителями и Р. не было биологической связи, первая заявительница заботилась о Р. с восьмимесячного возраста в течение первых девяти лет его жизни. Ни во внутригосударственных судах, ни в Европейском Суде стороны никогда не оспаривали, что в течение данного периода первая заявительница полностью выполняла роль родителя по отношению к этому ребенку. Другие заявители, будучи еще несовершеннолетними, были взяты под опеку первого заявителя в разное время и жили с Р. как семья в течение периодов от одного до семи лет до того, как Р. был в конечном итоге передан его биологическим родителям. Тесные личные связи между заявителями и тот факт, что первая заявительница взяла на себя роль родителя Р., были признаны внутригосударственными судами в рамках различных судебных разбирательств (пункт 92 постановления). Суд резюмировал следующее – отношения между заявителями и Р. составляли «семейную жизнь» по смыслу

⁸ Заявители жаловались на то, что решения национальных органов власти вернуть Р. его биологическим родителям, отменить ее опеку и отказать им в общении с ним, представляли собой нарушение статьи 8 Конвенции.

пункта 1 статьи 8 Конвенции.

*Прекращение опеки первого заявителя над Р. и его передача
биологическим родителям*

Как было отмечено выше, Суд установил, что отношения, которые существовали между заявителями и Р. на момент вмешательства властей, представляли собой «семейную жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции. Отмена попечительства первой заявительницы над Р. и его передача под опеку его биологических родителей привели к разрыву этих отношений и, следовательно, представляли собой вмешательство в право заявителей на уважение их семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. Такое вмешательство является нарушением данного положения, за исключением случаев, когда оно осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8, и может считаться «необходимым в демократическом обществе» (пункт 110 постановления).

Суд принял довод властей о том, что оспариваемые меры имели основание во внутригосударственном законодательстве и, в частности, были основаны на статьях 54, 63 и 68 Семейного кодекса Российской Федерации. Он также убедился – эти меры были направлены на защиту «прав и свобод других», в частности, прав Р. и его биологических родителей. Оставалось определить, было ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (пункт 111 постановления). При рассмотрении данного вопроса Суд должен был проверить с учетом всех обстоятельств дела, являлись ли приведенные для этой меры основания, «значительными и достаточными» в целях пункта 2 статьи 8 Конвенции. Он не мог надлежащим образом оценить этот последний элемент, не определив, был ли процесс принятия решений справедливым в целом и обеспечивал ли он необходимую защиту интересов заявителю, гарантированных статьей 8. Кроме того, следовало учитывать, что национальные органы власти имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Из этих рассуждений следовало, что задачей Суда являлась не подмена собой внутригосударственных органов власти в осуществлении ими своих обязанностей в отношении вопросов опеки и общения, а проверка решений, принимаемых этими органами при осуществлении ими своих дискреционных полномочий, на соответствие требованиям Конвенции.

Суд обратил внимание на следующее – в настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей. Наилучшие интересы ребенка могут в зависимости от их характера и серьезности быть превыше интересов родителей. В частности, согласно статье 8 Конвенции родителям не

разрешается принимать меры, которые причинят ущерб здоровью и развитию ребенка. Тем не менее, интересы родителей все же имеют значение при установлении баланса между различными интересами. Интересы ребенка диктуют необходимость сохранения связей ребенка с его семьей, за исключением случаев, когда семья является особенно непригодной для его проживания. Из этого следует, что семейные узы могут быть разорваны только при наличии исключительных обстоятельств и что должны быть приняты все возможные меры для сохранения личных отношений и при необходимости – для «восстановления» семьи. Таким образом, статья 8 Конвенции налагает на каждое государство обязательство стремиться к воссоединению биологических родителей со своим ребенком (пункт 114 постановления).

Суд отметил: в данном деле внутригосударственные органы власти столкнулись с трудным выбором между разрешением заявителям, которые в то время были фактической семьей Р., продолжать отношение с ним и принятием мер для обеспечения воссоединения мальчика с его биологической семьей. С этой целью внутригосударственным органам власти было предложено оценить и обеспечить справедливый баланс между конкурирующими интересами родителей Р. и интересами заявителей. Они также должны были учитывать, что ввиду особого физического и психологического состояния Р. являлся особо уязвимым ребенком. Поэтому внутригосударственные органы власти, по мнению Суда, должны были проявлять особую бдительность при оценке его интересов и обеспечить ему повышенную степень защиты с учетом состояния его здоровья (пункт 115 постановления).

Суд установил – первые девять лет своей жизни Р. провел под опекой первой заявительницы и в течение этого периода она являлась основным опекуном мальчика, полностью взяв на себя роль его родителя. Суд посчитал: несмотря на несомненно значительный период времени, один лишь этот фактор не мог исключить возможность воссоединения Р. с его биологической семьей. Эффективное уважение семейной жизни требует, чтобы будущие отношения между родителем и ребенком определялись исключительно с учетом всех соответствующих соображений, а не просто течением времени (пункт 116 постановления).

Суд обратил внимание на следующее: родители Р. действительно согласились на то, чтобы первая заявительница была назначена опекуном Р. В то же время, как это было указано властями, они никогда официально не отказывались от родительских прав в отношении их сына; они не были ограничены или лишены родительских прав. Кроме того, внутригосударственные суды установили, что, хотя в течение первых восьми лет жизни Р. его родители не поддерживали с ним связь, они все же оказывали ему финансовую поддержку и выполняли просьбы первой заявительницы о покупке лекарств, еды, необходимой для специальной

диеты мальчика и т.д. Более того, в 2009 году они восстановили свои отношения с Р., когда районный суд определил их права на общение с ним. Поэтому они продолжали присутствовать в жизни их сына, в результате чего даже в отсутствие каких-либо точных сроков или условий прекращения опеки первой заявительницы в тексте решения от 23 ноября 2001 года она не могла в действительности считать что Р. останется на ее попечении на постоянной основе. Суд напомнил, что по своей природе постановления о передаче под опеку являются временными мерами и должны отменяться, как только это позволят обстоятельства, а любые меры, обеспечивающие временную опеку, должны соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей и ребенка (пункт 117 постановления).

Как усматривалось из материалов дела, внутригосударственные суды провели тщательную оценку наилучших интересов Р. с учетом состояния его здоровья и его потребностей. В ходе различных судебных разбирательств они, в частности, отмечали привязанность первой заявительницы и ее искреннее заботливое отношение к ребенку; ее активный подход к заботе о нем и решению его проблем со здоровьем, что обеспечило прогресс в его физическом и психологическом развитии и общее улучшение его состояния. Что касается биологических родителей, то первоначально у властей возникли сомнения относительно того, способны ли они удовлетворить потребности Р. В частности, власти указали на отсутствие личного контакта между ними и Р. и призвали их занять более ответственную позицию в отношении своих родительских обязанностей. В связи с этим суды отклонили первоначальные требования родителей Р. о передаче мальчика под их опеку, отметив, что такая незамедлительная передача может травмировать его и поставить под угрозу его здоровье, и что для адаптации Р. ему необходимо было привыкнуть к его биологическим родителям. Однако в ходе разбирательства по второму требованию родителей Р. о его передаче, суды установили: родители Р. были в состоянии воспитывать его. Следовало отметить, что к тому времени общение между Р. и его родителями происходило уже в течение одного года. Принимая это решение, с учетом письменных доказательств, в том числе – заключений психологов и свидетельских показаний, внутригосударственные суды убедились в том, что родители Р. восстановили свои отношения с ребенком; что они надлежащим образом понимали его психологические особенности, эмоциональное состояние, потребности и способности; что они создали подходящие условия для жизни ребенка; и что он чувствовал себя спокойно и комфортно рядом с ними (пункт 118 постановления).

На этом фоне и с учетом того факта, что внутригосударственные органы власти имели возможность связаться со всеми заинтересованными сторонами, Суд посчитал, что, вынося решение о передаче Р. его биологическим родителям и о прекращении опеки первого заявителя над ним, внутригосударственные органы власти действовали в пределах своей

свободы усмотрения и в соответствии со своим обязательством по статье 8 Конвенции стремиться к воссоединению ребенка с его родителями. Суд также обратил внимание на то, что они привели «значительные и достаточные» основания для принятия обжалуемой меры. Несмотря на то, что Суд признал – указанное решение должно было причинить заявителям определенные эмоциональные страдания, их права не могли превалировать над наилучшими интересами ребенка (пункт 119 постановления).

Что касается процедуры принятия решений, то Суд отметил: «первая заявительница, действуя от собственного имени и от имени других заявителей, в полной мере участвовала в соответствующем разбирательстве и была юридически представлена на обоих уровнях юрисдикции... Она могла излагать свои доводы и представлять доказательства; суд первой инстанции вызвал и допросил многочисленных свидетелей с ее стороны... Как след[овало] из соответствующих судебных решений, суды рассмотрели ее аргументы и дали на них обоснованные ответы. При таких обстоятельствах Суд [посчитал], что процесс принятия решений был справедливым, и обеспечивал заявителям достаточные гарантии их прав в соответствии со статьей 8 Конвенции» (пункт 120 постановления).

Суд резюмировал – решение о прекращении опеки первого заявителя над Р. и о его передаче биологическим родителям отвечало его лучшим интересам, было принято властями в пределах их свободы усмотрения и имело под собой «значительные и достаточные» основания. Следовательно, вмешательство в семейную жизнь заявителей являлось «необходимым в демократическом обществе».

Доступ заявителей к Р.

Суд отметил, что по тем делам, в которых было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всеми доступными средствами способствовать поддержанию этой связи. Хотя важной задачей статьи 8 Конвенции является защита лица от произвольного вмешательства со стороны государственных властей, помимо нее могут существовать позитивные обязательства, присущие эффективному «уважению» семейной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения семейной жизни даже в сфере отношений между отдельными лицами, в том числе – принятие нормативно-правовой базы для судебной власти и механизма принудительного исполнения судебных решений, защищающей права человека, а при необходимости и принятие конкретных шагов (пункт 125 постановления).

Суд также постановил, ввиду большого разнообразия семейных ситуаций, обеспечение справедливого баланса между правами всех заинтересованных лиц требует изучения конкретных обстоятельств каждого дела. Следовательно, по мнению Суда, статья 8 Конвенции может

толковаться как возлагающая на государств-членов обязательство в каждом отдельном случае рассматривать вопрос о том, будет ли поддержание связей служить интересам ребенка, независимо от того, является ли соответствующее лицо, заботившееся о нем в течение достаточно длительного периода времени, биологическим родственником данного ребенка или нет (пункт 126 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, внутригосударственные суды оставили без удовлетворения требования первого заявителя о доступе к Р. со ссылкой на отсутствие какой-либо юридической связи между ней и ребенком после того, как ее опека была прекращена; они также указали на отсутствие биологического родства между ними, что согласно статье 67 Семейного кодекса Российской Федерации исключало любую возможность для первого заявителя получить доступ к ребенку (пункт 127 постановления).

Суд обратил внимание, что в деле *«Назаренко против Российской Федерации»*, которое касалось ситуации, когда заявитель утратил все свои родительские права, в том числе право на общение, в отношении ребенка, которого он воспитывал как своего собственного в течение нескольких лет, после того как было установлено, что он не являлся ее биологическим отцом, Суд уже выразил обеспокоенность по поводу отсутствия гибкости в положениях российского законодательства, регулирующих право на общение. В этих положениях содержится исчерпывающий список лиц, имеющих право на общение с ребенком, без каких-либо исключений, учитывающих разнообразие семейных ситуаций и наилучшие интересы ребенка. В результате лицо, которое не приходится ребенку родственником, но заботилось о нем в течение продолжительного периода времени и установило с ним тесную личную связь, полностью и автоматически исключается из жизни ребенка и ни при каких обстоятельствах не может получить право на общение с ним, вне зависимости от наилучших интересов ребенка. Суд постановил – полное и автоматическое исключение заявителя из жизни ребенка после лишения его статуса родителя по причине отсутствия гибкости во внутригосударственном законодательстве (в частности, отказ в праве на общение без надлежащего учета наилучших интересов ребенка) представляло собой нарушение права заявителя на семейную жизнь (пункт 128 постановления).

Суд не усмотрел в аргументации внутригосударственных судов касательно требования заявителей о доступе к Р. ничего, что позволило бы ему прийти к иному выводу в настоящем деле. Тексты судебных решений свидетельствовали – суды не предприняли попыток оценить конкретные обстоятельства настоящего дела и, в частности, не приняли во внимание отношения, которые существовали между заявителями и Р. до прекращения опеки первого заявителя над ним, не рассмотрели вопрос о том, может ли контакт между заявителями и Р. отвечать наилучшим интересам Р. и почему

не рассмотрели также вопрос о том, могут ли интересы биологических родителей Р. превалировать над интересами заявителей. Фактически в своем окончательном и обязательном решении апелляционный суд ограничился тем, что признал – право требовать доступа к ребенку ни при каких обстоятельствах не может быть гарантировано никому, кроме лиц, перечисленных в статье 67 Семейного кодекса Российской Федерации. Суд не смог принять такую аргументацию как «значительную и достаточную» для того, чтобы отказать заявителям в доступе к Р. Хотя Суд не вправе делать предположения о том, служило ли предоставление заявителям доступа к Р. наилучшим интересам ребенка, он не смог согласиться с тем, что соответствующие судебные решения были основаны на оценке индивидуальных обстоятельств настоящего дела и автоматически исключали возможность сохранения семейных связей между заявителями и Р. (пункт 129 постановления).

С учетом вышеизложенных соображений Суд резюмировал – внутригосударственные органы власти не выполнили свое обязательство по обеспечению справедливого баланса между правами всех заинтересованных лиц с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела, что равносильно неуважению семейной жизни заявителей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 76598/12 *«Хуснутдинов и Х против Российской Федерации»* (вынесено 18 декабря 2018 года, вступило в силу 18 марта 2019 года), которым установлено отсутствие нарушения статьи 8 Конвенции в связи с невынесением судом решения о возвращении заявителю его дочери⁹.

Суд вновь отметил, что по тем делам, в которых было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать поддержанию этой связи. Взаимное общение родителей и ребенка представляет собой основополагающий элемент семейной жизни и принимаемые на внутригосударственном уровне меры, препятствующие такому общению, представляют собой вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции (пункт 76 постановления).

Хотя основной задачей статьи 8 Конвенции и является защита лица от произвола со стороны государственных органов, кроме этого, существуют позитивные обязательства, присущие эффективному «уважению» семейной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения семейной жизни даже в сфере отношений между

⁹ Первый заявитель жаловался от собственного имени и от имени второй заявительницы на то, что отказ властей предписать возвращение второй заявительницы (дочь первого заявителя) от бабушки и дедушки к нему нарушил их право на уважение семейной жизни.

отдельными лицами, в том числе – принятие нормативно-правовой базы для законодательной власти и механизма принудительного исполнения судебных решений, защищающих права личности, а при необходимости и принятие конкретных шагов (пункт 77 постановления).

Что касается обязательства государства по реализации позитивных мер, Суд неоднократно признавал, что статья 8 включает в себя право родителей на реализацию мер, направленных на воссоединение с ребенком, и обязательство по принятию таких мер, возлагаемое на национальные власти. Это также применяется к делам, в которых между родителями и (или) другими членами семьи детей возникают споры об общении и месте жительства детей (пункт 78 постановления).

Суд отметил: «[в] контексте как негативных, так и позитивных обязательств государство должно обеспечить справедливый баланс между конкурирующими интересами лица и общества в целом; в обоих контекстах государство пользуется определенными пределами усмотрения... Статья 8 Конвенции требует, чтобы внутригосударственные органы обеспечивали справедливый баланс между интересами ребенка и интересами родителей, при этом первостепенное значение следует придавать именно интересам ребенка, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут преобладать над интересами родителей...» (пункт 79 постановления).

Из этого, по мнению Суда, следует: «обязательство национальных органов по принятию мер для содействия воссоединению не является абсолютным, поскольку воссоединение родителя с ребенком, который некоторое время проживал с другими лицами, может не быть незамедлительным и может потребовать принятия подготовительных мер. Природа и объем такой подготовки зависит от обстоятельств каждого конкретного дела, но понимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон всегда имеют большое значение. Хотя внутригосударственные органы должны прилагать все усилия для содействия такому сотрудничеству, любое обязательство применять принудительные меры в этой области должно быть ограничено, поскольку должны учитываться интересы, а также права и свободы всех заинтересованных лиц, и, в частности, наилучшие интересы ребенка и его права по статье 8 Конвенции. Если общение с родителем может угрожать таким интересам или нарушать права, внутригосударственные органы должны обеспечить справедливый баланс между ними» (пункт 80 постановления).

Следует иметь в виду, что в целом национальные органы имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Из этих соображений усматривалось: «задача Суда заключается не в подмене собой внутригосударственных органов при осуществлении ими своих обязанностей относительно вопросов опеки и доступа, а в рассмотрении в свете Конвенции решений, принятых данными органами при осуществлении их права на свободу действий... С этой целью Суд должен выяснить, провели ли

внутригосударственные суды тщательное изучение семейной ситуации в целом и ряда факторов, (в частности, факторов фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера), и была ли проведена сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица, стараясь при этом определить, каким будет наилучшее решение для ребенка» (пункт 81 постановления).

«Более того, – продолжил Суд, – несмотря на то, что статья 8 Конвенции не содержит явных процессуальных требований, процесс принятия решения, приводящий к вмешательству, должен быть справедливым и позволяющим надлежащим образом учесть интересы, защищаемые статьей 8». Следовательно, Суд должен был определить, с учетом каких конкретных обстоятельств дела и, в особенности, серьезности принимаемых решений, участвовал ли заявитель в процессе принятия решений в той степени, которая была бы достаточна для обеспечения необходимой защиты его интересов (пункт 82 постановления).

При рассмотрении обстоятельств дела в контексте статьи 8 Конвенции Суд может обратить внимание на продолжительность процесса принятия решений национальным органом и на продолжительность любых связанных с такими решениями судебных разбирательств. В таких делах всегда существует опасность того, что любая процессуальная задержка приведет к фактическому определению вопроса, представленного в суд, до проведения слушания. Эффективное уважение семейной жизни требует, чтобы будущие отношения между родителем и ребенком определялись исключительно в свете всех соответствующих соображений, а не просто течением времени (пункт 83 постановления).

Суд установил, что Х. жила с первым заявителем и матерью с момента рождения в 1998 году и непосредственно перед смертью матери в декабре 2008 года она была временно передана бабушке и дедушке по материнской линии, которые проживали в Узбекистане. Начиная с марта 2009 года, когда бабушка с дедушкой отказались вернуть Х. ее отцу, он постоянно стремился вернуть ее себе, хотя за все это время он навещал ее всего один раз в январе 2010 года. В сентябре 2010 года он обратился в российский суд, который в феврале 2012 года вынес решение, оставленное без изменений в мае 2012 года, об отказе в возвращении Х., сославшись на ее желание остаться с бабушкой и дедушкой (пункт 85 постановления).

Рассмотрев решения внутригосударственных судов, Суд не обнаружил оснований сомневаться в том, что они исходили из наилучших интересов ребенка. В частности, внутригосударственные суды приняли во внимание, что Х. выразила явное желание остаться с бабушкой и дедушкой. Суд отметил – на тот момент Х. было тринадцать лет, и, следовательно, она уже смогла выразить собственное мнение по данному вопросу и понимать его последствия. Ранее Суд уже устанавливал, что когда дети вырастают и обретают способность выражать собственное мнение относительно их

отношений с родителями, суды должны уделять должное внимание их мнению и чувствам, а также их праву на уважение их личной жизни (пункт 86 постановления).

В той части, в которой первый заявитель утверждал, что на Х. могли повлиять ее бабушка и что, следовательно, к ее заявлениям следовало относиться с осторожностью, а для выяснения истинных желаний Х. необходимо было получить заключение эксперта, Суд отметил: «как правило именно национальные суды должны оценивать имеющиеся у них доказательства, в том числе выбирать способы установления соответствующих фактов. Было бы преувеличением утверждать, что внутригосударственные суды всегда должны привлекать эксперта-психолога при рассмотрении споров о месте жительства детей, но этот вопрос зависит от конкретных обстоятельств каждого дела, принимая во внимание возраст ребенка... В материалах дела не име[лось] доказательств того, что первый заявитель когда-либо просил провести психологическую экспертизу Х. Ей было тринадцать лет, когда она была заслушана узбекским судом по вопросу о ее возвращении отцу, и при этом присутствовал специалист из органов опеки. При таких обстоятельствах внутригосударственные суды могли разумно считать, что ее заявления отражают ее истинные пожелания. Таким образом, Европейский Суд не убежден в том, что отсутствие психологической экспертизы являлось недостатком разбирательства» (пункт 87 постановления).

Довод первого заявителя о том, что предполагаемая чрезмерная длительность разбирательства фактически привела к решению суда по делу, то Суд, прежде всего, отметил следующее – заявитель решил обратиться в российский суд, несмотря на тот факт, что Х. проживала с бабушкой и дедушкой в Узбекистане, в то время как он сам проживал в США. Этот выбор неизбежно сказался на продолжительности разбирательства, вызвав необходимость адаптировать график слушаний с тем, чтобы стороны могли приехать из Узбекистана и США в Москву, где проводились слушания, и что наиболее важно – направить международные запросы узбекским властям об оказании помощи, чтобы установить соответствующие факты, в частности, взять у Х. показания. В ходе разбирательств действительно имели место некоторые задержки, произошедшие по вине российских властей (в частности, задержка в три месяца из-за прекращения разбирательства, которое впоследствии было признано незаконным вышестоящим судом). Тем не менее Суд посчитал – в целом внутригосударственные суды провели разбирательство, которое длилось чуть менее одного года и четырех месяцев на двух уровнях юрисдикции, с надлежащим усердием (пункт 88 постановления).

В этой связи для Суда важно то, что, хотя уже в марте 2009 года первому заявителю стало ясно, что его тесть и теща не собираются возвращать ему Х., он обратился в суд лишь в сентябре 2010 года.

Фактически он бездействовал в течение первых полутора лет после расставания с Х. За все это время он навестил ее всего один раз в январе 2010 года, хотя ее местонахождение было ему известно. В материалах дела нет никаких доказательств того, что он предпринимал другие попытки навеситить Х., но ему помешали ее бабушка и дедушка. Он не обращался в компетентные узбекские органы власти, в частности в суды, за помощью в возврате его дочери, хотя такой порядок действий представлялся наиболее логичным, учитывая, что Х. находилась в Узбекистане, то есть под юрисдикцией узбекских властей. Первый заявитель не дал никаких объяснений по поводу этого упущения (пункт 89 постановления).

Из этого следовало, по мнению Суда, следующее: «в течение первых полутора лет их разлуки, кроме подачи нескольких жалоб в российские консульские органы, первый заявитель не предпринял никаких значимых шагов, чтобы попытаться вернуть свою дочь. Поэтому вместо принятия мер, он возложил эту задачу на российские консульские органы, которым явно не хватало полномочий для того, чтобы повлиять на ситуацию в Узбекистане... Этот первоначальный период оказался решающим для его отношений с дочерью. Действительно, уже в октябре 2009 года, то есть почти за год до обращения первого заявителя в российский суд, Х. начала говорить, что она предпочитает жить с бабушкой и дедушкой... Поэтому Суд не убежден в том, что предполагаемые задержки в разбирательстве на внутригосударственном уровне фактически привели к разрешению дела, поскольку к моменту начала этого разбирательства мнение Х., по-видимому, уже сформировалось. Представляется, что именно пассивность первого заявителя в течение этого решающего первоначального периода разлуки повлияла на исход дела, ослабив связь между заявителями, в результате чего Х. привыкла проживать с бабушкой и дедушкой и не желала менять это» (пункт 90 постановления).

При таких обстоятельствах решение внутригосударственных судов прислушаться к пожеланиям Х. и отказать в принудительном и незамедлительном возврате Х. первому заявителю могло быть принято в интересах ребенка с учетом продолжительности пребывания девочки в семье бабушки и дедушки, ее привязанности к ним и ее ощущения, что их дом является ее домом. В этой связи также важно, что первый заявитель мог подать иск об определении порядка общения и посредством регулярного общения постепенно восстановить связь с его дочерью и убедить ее вернуться к нему. Однако первый заявитель так и не подал иск об определении порядка общения ни в российский, ни в узбекский суд (пункт 91 постановления). Суд также отметил, что рассматриваемое решение было вынесено в результате состязательного производства, в ходе которого заявитель имел возможность выдвинуть все аргументы в поддержку своего ходатайства о вынесении решения о возврате Х., и он также имел доступ ко всей соответствующей информации, на которую опирались суды.

Исходя из вышеизложенного, Суд пришел к выводу о том, что процесс принятия решения был справедливым, поскольку он позволял первому заявителю полностью представить свою позицию, а мнение второй заявительницы было заслушано и учтено в ситуации, в которой разбирательство проходило в России, в то время как она проживала в Узбекистане. Причины, приведенные внутригосударственными судами, являлись существенными и достаточными. Следовательно, отказывая в возврате Х. ее отцу, внутригосударственные суды не вышли за пределы своей широкой свободы усмотрения.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 77546/14 *«Элита Магомадова против Российской Федерации»* (вынесено 10 апреля 2018 года, вступило в силу 10 июля 2018 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с вынесением судом об определении места жительства сына с его отцом без учета интересов ребенка и доводов заявительницы.

Суд напомнил: «[п]ри вынесении решения о том, являлся ли отказ в передаче заявительнице опеки или предоставлению доступа к ребенку обоснованными по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции, Суд должен рассмотреть в контексте всего дела вопрос о том, были ли доводы в обоснование данной меры соответствующими и достаточными. Несомненно, в каждом подобном деле решающее значение имеет то, что целесообразно понимать под интересами ребенка. Кроме того, следует иметь в виду – национальные органы власти имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Из этих оценок следует, что задача Суда заключается не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти при исполнении ими своих обязанностей в вопросах опеки и общения с детьми, а в том чтобы рассмотреть (в свете Конвенции) решения, принятые указанными органами власти при осуществлении предоставленных им полномочий усмотрения... С этой целью Суд должен выяснить, провели ли национальные суды комплексное изучение всей семейной ситуации и целого ряда факторов, в частности, факторов фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и была ли сделана сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица с постоянной заботой о том, чтобы определить, каким будет наилучшее решение для ребенка» (пункт 54 постановления).

Суд отметил – пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, будут зависеть от характера вопросов и важности затрагиваемых интересов. Поэтому Суд признал, что органы власти пользуются широкой свободой усмотрения, в частности, при принятии решений по вопросам опеки и попечительства. Однако в отношении дальнейших ограничений, таких как ограничение

органами власти родительских прав на доступ к детям, или в отношении правовых гарантий, направленных на эффективную защиту права родителей и детей на уважение их семейной жизни, предусматривается более тщательное рассмотрение. Такие дополнительные ограничения влекут за собой опасность существенного ограничения семейных отношений между малолетним ребенком и одним или обоими родителями (пункт 55 постановления).

Суд продолжил: статья 8 Конвенции требует, чтобы внутригосударственные органы власти обеспечивали справедливый баланс между интересами ребенка и интересами родителей, при этом первостепенное значение следует придавать именно интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и серьезности могут преобладать над интересами родителей. В частности, родителям не могут быть предоставлены такие меры в соответствии со статьей 8 Конвенции, которые причинят ущерб здоровью и развитию ребенка (пункт 56 постановления).

Суд обратил внимание – он не в состоянии «удовлетворительно оценить, являются ли причины, выдвинутые национальными судами «достаточными» для целей пункта 2 статьи 8 [Конвенции], без определения в то же время того, являлся ли процесс принятия решений, рассматриваемый в целом, справедливым... В то время как статья 8 Конвенции не содержит явных процессуальных требований, процесс принятия решения, приводящий к мерам по вмешательству, должен быть справедливым и позволяющим надлежащим образом учесть интересы, защищенные статьей 8. Суд, следовательно, должен определить с учетом конкретных обстоятельств дела и, в особенности, серьезности характера принимаемых решений, участвовала ли заявительница в процессе принятия решений, рассматриваемом в целом, в той степени, которая была бы достаточна для обеспечения ей необходимой защиты ее интересов» (пункт 57 постановления).

Суд счел, что решение об определении места жительства ребенка в пользу отца являлось вмешательством в право заявительницы на уважение семейной жизни.

Поскольку заявительница жаловалась – национальные суды действовали незаконно, вышли за пределы требований Е. и приняли решение об определении места жительства в его пользу, хотя он никогда не просил об этом, Суд отметил: «в первую очередь это обязанность национальных органов, в частности, судов, толковать и применять внутреннее законодательство. Следовательно, «закон» является действующим правовым актом в связи с тем, что он был истолкован компетентными судами. Хотя Суд должен осуществлять определенные надзорные полномочия в этом вопросе, поскольку несоблюдение внутригосударственного права влечет за собой нарушение статьи 8, объем его задачи подлежит ограничениям, неотъемлемым от субсидиарного характера Конвенции, и он не может ставить под сомнение способ толкования и применения

внутригосударственного права национальными судами, кроме случаев очевидного несоблюдения или произвола... Суд не [смог] установить какого-либо очевидного несоблюдения или произвола в данном деле. Суды, рассматривавшие дело заявителя, обнаружили, что оно относится к той категории дел, в рамках которой в соответствии с пунктом 3 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса [Российской Федерации] им было разрешено выйти за рамки требований сторон. Суд призна[л], что толкование применимого законодательства судами в деле заявителя не позволяло считать оспариваемые решения незаконными согласно Конвенции» (пункт 59 постановления).

Сторонами также не оспаривалось то, что вмешательство преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно И.¹⁰ и Е.¹¹ Оставалось, соответственно, рассмотреть вопрос, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Суд обратил внимание на следующее – судебное решение об определении места жительства от 17 апреля 2014 года ограничивалось определением места проживания И.; оно не затрагивало правовые отношения И. с заявительницей и не лишало ее родительских прав. Также важно, заявительница имела возможность обратиться в суд для получения права на общение (пункт 61 постановления).

Суд согласился, что при принятии решений о назначении мер по опеке над детьми национальные органы власти и суды часто сталкиваются с чрезвычайно сложной задачей. Он не упустил из виду тот факт, что национальные органы власти не имели выбора, кроме вынесения решения об определении места жительства в пользу одного из двух разведенных родителей, поскольку внутригосударственное право не предусматривало возможности вынести совместное решение об определении места жительства (пункт 62 постановления).

По мнению Суда, его задача состоит не в том, чтобы занять место национальных властей при принятии решения о том, в чью пользу должно быть вынесено решение об определении места жительства в отношении ребенка разведенных родителей. В этой сфере рассмотрение Суда не ограничивается выяснением того, использовало ли государство-ответчик свои рамки усмотрения разумным, тщательным и добросовестным образом; он должен определить, «были ли уместны и достаточны причины, приведенные национальными судами в ходе производства по определению места жительства ребенка... В частности, Суд обладает компетенцией выяснять, проводили ли национальные суды при принятии такого решения комплексное изучение всей ситуации в семье и целого ряда соответствующих факторов, и была ли сделана сбалансированная и разумная оценка

¹⁰ Сын заявительницы.

¹¹ Отец И.

соответствующих интересов каждого лица с постоянной заботой о том, чтобы определить, каким будет наилучшее решение для ребенка... Неспособность провести достаточно тщательное изучение будет означать нарушение статьи 8 [Конвенции]... Напротив, если бы национальные суды рассматривали данный вопрос с осторожностью и в соответствии с принципами, изложенными в прецедентной практике Суда, Суду бы понадобились очень веские причины для замены своей собственной оценки оценкой национальных судов» (пункт 63 постановления).

С самого начала Суд принял к сведению заявление властей о том, что решение об определении места жительства в пользу отца было основано на обычае мусульманского чеченского народа, согласно которому в случае расставания родителей ребенок воспитывался семьей отца. Вместе с тем он отметил следующее – утверждение властей не находит подтверждения в решениях внутригосударственных судов и поэтому Суд не учел его при рассмотрении дела (пункт 65 постановления).

Национальные суды установили: у заявительницы не было бы достаточно времени, чтобы посвящать его своему сыну, поскольку она была работающей матерью с еще одним ребенком от предыдущего брака. Суды, в частности, подчеркнули, именно из-за работы заявительница отправила И. в детский сад, несмотря на состояние его здоровья. Суд отметил, национальные суды не полагались на какие-либо медицинские или другие экспертные доказательства, свидетельствующие о том, что здоровье И. не позволяло ему посещать детский сад. Поэтому Суд не согласился с утверждением, что национальные суды убедительно продемонстрировали – посещение И. детского сада может иметь для него «губительные» последствия. Из этого следовало – национальные суды признали неспособность заявительницы создать надлежащие условия для воспитания и развития И. на основании лишь факта, что она была одинокой матерью двух детей (пункт 66 постановления).

Суд далее отметил, что национальные суды отклонили факторы, касающиеся бытовых и финансовых условий каждого родителя, как не имеющие решающего значения. Они не рассматривали какие-либо другие факторы, которые могли бы иметь значение для определения насущных интересов ребенка. Никакой экспертной или другой оценки специалиста не проводилось для определения родительских способностей каждого из родителей и привязанности ребенка к каждому из них. Национальные суды не оценивали тот факт, что Е. имел судимость, хотя заявительница предоставила подтверждающие это документы в ходе судебного заседания. Они также не оценили, как долго И. жил с каждым из родителей и установилась ли для него стабильная обстановка и определенный режим, включающий одного из них. Они также не смогли оценить потенциальное влияние на И. расставания с его единокровной сестрой, с которой он жил с рождения. Наконец, национальные суды подробно не рассмотрели жалобу

заявительницы о том, что Е. не позволял ей видеться с сыном, ограничив свою оценку тем, что Е. отрицал данное утверждение (пункт 67 постановления).

По мнению Суда, доказательная основа для решений национальных судов включала в себя – помимо представлений родителей и документов, касающихся их доходов, бытовых условий и характеристик от их работодателей и их окружения – заключение органов опеки от 15 апреля 2014 года и устные заявления должностного лица из органов опеки, который просто повторил выводы, содержащиеся в этом заключении. Основывая в значительной степени свои решения на этом заключении, суды не смогли оценить его и просто поддержали содержащиеся в нем выводы. Они не предпринимали никаких значимых попыток проверить, было ли подготовлено заключение после тщательного изучения всей семейной ситуации и всех соответствующих факторов, включая встречи со всеми заинтересованными сторонами, такими как заявительница и И. Позже выяснилось, что это заключение было основано на неправильной и неполной информации, и особенно информации, предоставленной исключительно Е., которая не была проверена (пункт 68 постановления).

Суд пришел к выводу, что рассмотрение дела национальными судами не было достаточно тщательным. Из этого усматривалось, что процесс принятия решений имел недостатки и, следовательно, не позволил определить насущные интересы ребенка. Таким образом, Суд резюмировал – национальные власти не предоставили обоснованных и достаточных оснований для принятия решения об определении места жительства ребенка в пользу его отца. Несмотря на пределы усмотрения национальных властей, вмешательство не было пропорциональным преследуемой законной цели.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 77180/11 *«Леонов против Российской Федерации»* (вынесено 10 апреля 2018 года, вступило в силу 10 июля 2018 года), которым установлено отсутствие нарушения статьи 8 и статьи 14 Конвенции в отношении заявителя в связи с вынесением судом решения об определении места жительства его сына в пользу матери мальчика.

Суд счел – решение об определении места жительства в пользу матери являлось вмешательством в право заявителя на уважение семейной жизни. Сторонами не оспаривалось то, что вмешательство имело основания в национальном законодательстве и преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно – А. и Ч. Оставалось рассмотреть вопрос, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Рассмотрев решения внутригосударственных судов, о которых идет речь, Суд не нашел оснований сомневаться в том, что они основывались на насущных интересах ребенка. Национальные суды установили факт: А. еще

не достиг четырехлетнего возраста и долгое время жил с матерью по месту своего жительства и посещал там детский сад. Суды посчитали, что с учетом его юного возраста изменение места жительства и разлука с матерью негативно повлияют на его психологическое состояние. Ничто не указывало на то, что выводы, сделанные национальными судами, которые имели непосредственный контакт со всеми заинтересованными лицами, были необоснованными и, таким образом, не соответствовали их широкой свободе усмотрения. С учетом того, что национальные власти в принципе лучше, чем международный судья, могут оценить представленные им доказательства, задача Суда не заключалась в том, чтобы занять их место в установлении и оценке фактов и определении, что отвечало насущным интересам ребенка в настоящем деле (пункт 72 постановления).

Суд не согласился с доводом заявителя о том, что решение об определении места жительства было основано на убеждении судьи, что маленький ребенок должен всегда воспитываться матерью. Он отметил – решение об определении места жительства ребенка принималось с учетом оценки конкретных обстоятельств дела. Решение, о котором идет речь, было принято после состязательного разбирательства, в ходе которого заявитель был поставлен в положение, позволяющее ему выдвинуть все аргументы в поддержку своего иска об определении места жительства ребенка в его пользу, и он также имел доступ ко всей соответствующей информации, на которую ссылались суды (пункт 74 постановления).

Что касается жалобы заявителя о якобы чрезмерной длительности разбирательства, то Суд отметил – собственная процессуальная деятельность заявителя повлияла на общую продолжительность разбирательства. Заявитель подал апелляционную жалобу на решение о проведении экспертизы. Он также попросил, чтобы судебное разбирательство было приостановлено в ожидании рассмотрения уголовного дела против его бывшей жены. Верно, что в ходе разбирательства также было допущено несколько задержек, связанных с властями (в частности, необъяснимая трехмесячная отсрочка в получении экспертного заключения после решения, в соответствии с которым оно было оставлено в силе после подачи апелляционной жалобы, и трехмесячная задержка с возобновлением разбирательства после того, как осуждение Ч. в уголовном порядке вступило в силу). Однако Суд счел, что в целом национальные суды, по-видимому, рассматривали разбирательство, которое длилось чуть меньше одного года и четырех месяцев на двух уровнях юрисдикции, с надлежащей тщательностью (пункт 75 постановления).

Суд пришел к выводу: процесс принятия решений был справедливым, поскольку он позволил заявителю полностью представить свое дело, и что причины, выдвигаемые национальными судами, были значимыми и достаточными. Соответственно, приняв решение об определении места

жительства ребенка в пользу матери, национальные суды не превысили свою широкую свободу усмотрения.

Заявитель также жаловался, что решение об определении места жительства его сына в пользу матери представляло собой дискриминацию по признаку пола.

В соответствии с установившейся прецедентной практикой Суда для возникновения вопроса по статье 14 Конвенции должно быть различие в обращении с физическими лицами в сравнимых ситуациях. Такое различие является дискриминирующим, если не имеет цели и достаточного обоснования; другими словами, если оно не преследует правомерной цели или если отсутствует разумное соотношение соразмерности между задействованными средствами и поставленной целью. Как правило, Договаривающиеся государства имеют право на свободу усмотрения при оценке того, оправдывают ли различия и в какой степени они оправдывают иное обращение в иных подобных ситуациях. Пределы свободы усмотрения будут варьироваться в зависимости от обстоятельств, сути дела и его предыстории, но принятие окончательного решения о соблюдении требований Конвенции возложено на Суд (пункт 54 постановления).

По мнению Суда, необходимо выдвинуть очень веские причины, прежде чем различие в отношении по признаку пола можно будет считать совместимым с Конвенцией.

Суд с самого начала подчеркнул, что в российском законодательстве не проводится никакого различия между полами, мужчины и женщины в равной степени имеют право на определение места жительства их ребенка в их пользу, независимо от возраста ребенка. Национальным судам необходимо оценить все соответствующие обстоятельства и родительские способности сторон в целях поиска надлежащего решения в насущных интересах ребенка. Заявитель однако утверждал: решения в его случае основывались на общем предположении, имевшем место в Российской Федерации, что в интересах детей в определенном возрасте лучше проживать с матерью, а не с отцом (пункт 87 постановления).

Суд отметил следующее – вынесение решения об определении места жительства ребенка основывалось на оценке насущных интересов ребенка в конкретных обстоятельствах дела, а не на общей предвзятости в пользу матерей. В частности, национальные суды установили, ребенок долгое время жил с матерью по месту ее жительства. Они считали, что с учетом его юного возраста и продолжительности его проживания с матерью изменение его сложившегося образа жизни отрицательно повлияет на его психологическое состояние (пункт 88 постановления).

Поэтому Суд удовлетворен тем, что в отношении рассмотрения иска об определении места жительства ребенка никакая разница в отношении по признаку пола не существовала ни в законе, ни в решениях судов,

применяющих его в деле заявителя. Соответственно, в настоящем деле отсутствовало нарушение статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 8.

вопросы лишения родительских прав

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 58724/14 **«Зелиха Магомадова против Российской Федерации»** (вынесено 8 октября 2019 года, вступило в силу 8 января 2020 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи лишением заявителя родительских прав без учета интересов ее детей¹².

Суд напомнил: «взаимное удовольствие, получаемое родителем и ребенком от общества друг друга, является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции... В настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей... Интересы ребенка предполагают необходимость сохранения связей ребенка с его или ее семьей, за исключением случаев, когда семья оказалась особенно неспособной, и это может нанести вред здоровью и развитию ребенка... Разорвать такие узы означает отрезать ребенка от его корней, что является оправданным только в очень исключительных обстоятельствах...; все должно быть сделано для сохранения личных отношений и в случае необходимости – для «восстановления» семьи... В этом контексте Суд подчеркнул, в частности, обязанность государства принимать меры для максимально возможного сохранения связи между матерью и ребенком» (пункт 98 постановления).

По мнению Суда, пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы. «Такая свобода усмотрения будет зависеть от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности затрагиваемых интересов. Хотя Суд признает, что власти пользуются широкими пределами свободы усмотрения при решении вопросов опеки, требуется внимательное изучение любых дальнейших ограничительных мер, таких как ограничения, налагаемые указанными органами на родительские права доступа к ребенку, и любых правовых гарантий эффективной защиты права родителей и детей

¹² Заявительница жаловалась на то, что внутригосударственные органы лишили ее родительских прав, ссылаясь на отсутствие общения с детьми. Это нарушило ее право на уважение семейной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции.

на уважение их семейной жизни. Дальнейшие ограничения влекут за собой опасность фактического ухудшения семейных отношений между ребенком и его родителями» (пункт 99 постановления).

При определении была ли оспариваемая мера «необходимой в демократическом обществе», Суд зафиксировал: он «должен рассмотреть, были ли в свете дела причины, приведенные для обоснования оспариваемой меры, «уместны и достаточны» в целях пункта 2 статьи 8 Конвенции. Он не может надлежащим образом оценить этот последний элемент, одновременно не определив, был ли процесс принятия решений справедливым в целом и обеспечивал ли он необходимую защиту интересов заявительницы, гарантированных статьей 8...». Суд также рассмотрел вопрос о том, могли ли дети в соответствующих случаях выражать свое мнение (пункт 100 постановления).

Суд с самого начала отметил, что лишение заявительницы родительских прав разорвало связь матери и ребенка между заявительницей и ее детьми и прекратило действие всех родительских прав, которые она имела в отношении них, включая право иметь с ними контакт. Суд подтвердил – разделение семьи является очень серьезным вмешательством. Лишение человека его родительских прав является настолько радикальной мерой, которая лишает родителя его или ее семейной жизни с ребенком, что несовместимо с целью их воссоединения. Как отмечалось выше, такие меры должны применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы главным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка (пункт 101 постановления).

Что касается фактической стороны дела, то Суд обратил внимание: «национальные суды на двух уровнях юрисдикции установили, что заявительница не хотела заботиться о своих детях, поскольку она не смогла установить с ними контакт после вступления в силу решения суда от 31 января 2012 года, которое определило порядок общения с детьми, и потому что она не поддерживала их финансово. Суд оценил эти выводы в более общем контексте дела, принимая во внимание события, предшествовавшие мере, на которую была подана жалоба» (пункт 102 постановления). Суд отметил, что заявительница была лишена доступа к своим детям 15 февраля 2010 года в результате незаконных действий Э.Б.¹³, ее деверя. Ее заявления относительно этого инцидента и просьба о защите в правоохранительные органы, по-видимому, остались без ответа, и власти не предприняли никаких действий в этой связи.

Последующие события привели к постепенному разрыву связей между заявительницей и ее детьми. В частности, Э.Б. предпринял несколько попыток лишить заявительницу родительских прав в отношении ее детей.

¹³ Брат погибшего мужа.

В первом судебном разбирательстве, которое закончилось решением от 10 августа 2010 года, оставленным без изменений в апелляционном порядке 14 сентября 2010 года, национальные суды отклонили его иск, ссылаясь на отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих, что заявительница не выполнила свои родительские обязательства. Суды постановили, что дети должны проживать с заявительницей по ее адресу. Однако это решение не было исполнено, несмотря на многочисленные просьбы заявительницы, поскольку ответственный судебный пристав неоднократно отказывался начать процедуру принудительного исполнения. Суд принял к сведению утверждение властей о том, что действия судебного пристава, по-видимому, противоречили соответствующему внутреннему законодательству (пункт 104 постановления).

Судом установлено, что производство по лишению родительских прав в конечном итоге было возобновлено по просьбе Э.Б. На данном этапе Европейский Суд отметил факт: «национальные суды двух уровней юрисдикции [исходили из следующего]: во-первых, [утверждения] о том, что заявительница несколько раз была замечена в автомобилях неизвестных мужчин – мужчин, которые, по-видимому, ее подвозили – является достаточным доказательством, чтобы сделать вывод о том, что она сожительствует с мужчиной и поэтому ведет «безнравственный» образ жизни; и, во-вторых, что еще более важно, ее якобы «безнравственный» образ жизни, то есть ее совместное проживание с мужчиной, представляли собой достаточные основания для возобновления разбирательства, касающегося ее родительских прав, на основании вновь открывшихся обстоятельств.... По мнению Суда, позиция национальных судов вряд ли может быть согласована с основными ценностями современного демократического общества. Он также с удовлетворением отмечает – во втором судебном разбирательстве после возобновления разбирательства национальные суды отклонили вышеупомянутые утверждения как не относящиеся к основаниям для лишения родителя родительских прав, как это установлено в соответствующем национальном законодательстве» (пункт 105 постановления).

В решении от 31 января 2012 года¹⁴, оставленном без изменений в апелляционном порядке 1 марта 2012 года, национальные суды вновь отклонили утверждение Э.Б. о том, что заявительница избегает своих родительских обязанностей, в отсутствие каких-либо достоверных

¹⁴ Районный суд постановил – дети заявительницы должны остаться проживать в месте пребывания Э.Б., его законная опека в отношении них должна быть сохранена. Суд также постановил, что у заявительницы должно быть право забирать детей к себе домой каждые первые и последние выходные месяца на время с 10:00 субботы до 16:00 воскресенья, а также на время государственных праздников с 10:00 до 10:00 следующего дня. Суд также запретил Э.Б. препятствовать общению заявительницы с ее детьми.

доказательств этого утверждения, и отклонили его ходатайство о лишении ее родительских прав. В то же время, ссылаясь на тот факт, что к тому времени дети заявительницы жили с родственниками по отцовской линии в течение двух лет, суды постановили, что они должны жить по адресу Э.Б., назначили его их законным опекуном и определили договоренности о контакте между детьми и заявительницей. Европейский Суд с обеспокоенностью отметил: «ситуация, в которой суды отменили свои первоначальные выводы, прописанные в решении от 10 августа 2010 года, оставленном без изменений в апелляционном порядке 14 сентября 2010 года, о том, что дети должны жить со своей матерью (заявительницей), и постановили – они должны жить со своими родственниками по отцовской линии, на самом деле была вызвана бездействием властей в исполнительном производстве в вопросе этого решения» (пункт 106 постановления).

Суд повторил: «позитивные обязательства, присущие эффективному «уважению» к семейной жизни, могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения семейной жизни даже в сфере отношений между отдельными лицами, в том числе принятие правовой нормы о регуляционной системе судебного механизма и аппарата принудительного исполнения судебных решений, защищающих права личности, и в необходимых случаях – осуществление конкретных действий... Суд неизменно придержива[л]ся мнения, что статья 8 Конвенции включает в себя как право родителя принимать меры с целью его воссоединения с ребенком, так и обязанность национальных властей принимать меры для содействия такому воссоединению... Кроме того, это позитивное обязательство начнет давить на компетентные органы с возрастающей силой, начиная с момента разлучения ребенка с родителем, и, таким образом, адекватность меры будет оцениваться по скорости ее осуществления, поскольку время в разлуке может иметь непоправимые последствия для отношений между ребенком и родителем, который не живет с ним или с ней» (пункт 107 постановления).

Европейский Суд отметил, что к 1 марта 2012 года решение от 31 января 2012 года вступило в законную силу, заявительница не имела контактов со своими детьми в течение более двух лет со всеми вытекающими последствиями для отношений между ними, а также для физического и психологического благополучия детей. На этом фоне властям было особенно важно проявлять образцовое усердие и целесообразность при исполнении решения от 31 января 2012 года (пункт 108 постановления).

Суд установил – несмотря на многочисленные ходатайства заявительницы о приведении в исполнение решения от 31 января 2012 года, исполнительное производство не началось до 6 августа 2012 года, то есть более чем через пять месяцев после даты, когда решение вступило в законную силу. После его начала исполнительное производство продолжалось более шестнадцати месяцев, прежде чем оно было прекращено 9 декабря 2013 года. В течение этого времени ответственный судебный

пристав лишь получил «письменное заявление» от Э.Б., в котором подтверждалось, что последний не будет препятствовать контакту заявительницы с ее детьми, и проинформировал Э.Б. о том, что он может быть привлечен к административной ответственности. Никаких других шагов предпринято не было, несмотря на то, что заявительница сообщила властям о враждебном отношении родственников ее покойного мужа к ней, их угрозах и отказе выполнять решение, а также неоднократно обращалась к судебным приставам за помощью в получении доступа к ее детям. Такое явное и вопиющее бездействие в ситуации, когда образцовое усердие и целесообразность со стороны властей имели решающее значение, поразило Суд (пункт 109 постановления).

Суд также посчитал существенным, что «на всех этапах разбирательства – три этапа судебного разбирательства и два этапа исполнительного производства – заявительница постоянно подтверждала свое намерение заботиться о своих детях, добивалась доступа к ним и их возвращения. Она неоднократно информировала компетентные внутригосударственные органы власти, в том числе правоохранительные органы, суды и службу судебных приставов, об очень напряженных отношениях между ней и родственниками ее покойного мужа, их враждебном отношении и угрозах физического насилия, ее опасениях в этом вопросе, а также о том, что эти родственники препятствовали общению между ней и ее детьми, включая разговоры по телефону. Заявительница также обратилась к компетентным органам за защитой и помощью в этом вопросе; в частности, во многих случаях она пыталась исполнить решения, вынесенные в ее пользу... Исходя из обстоятельств дела ее усилия оказались тщетными, и ее заявления в основном оставались без ответа или отклонялись под различными предлогами... Полностью осознавая положение заявительницы, власти оставались пассивными и не предпринимали никаких ощутимых действий для обеспечения ее воссоединения со своими детьми и облегчения этого процесса... Также след[овало] отметить – в отсутствие каких-либо значимых действий со стороны [в]ластей заявительница сама пыталась обратиться к двум своим старшим дочерям... [О]днако эта попытка обернулась неудачей ввиду крайне негативного отношения девочек к матери» (пункт 110 постановления).

Европейский Суд поражен тем фактом, что в решении от 3 октября 2013 года¹⁵, оставленном без изменения в апелляционном порядке 25 февраля 2014 года, национальные суды признали заявительницу

¹⁵ Суд пришел к выводу, что иск Э.Б. (о лишении родительских прав) должен быть удовлетворен, поскольку заявительница «избегала воспитания своих детей», и, следовательно, она должна быть лишена родительских прав в соответствии со статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации. Кроме того, Суд распорядился – она должна выплачивать алименты на содержание своих детей и выплачивать их Э.Б., опекуну детей.

ответственной за невозможность установить контакт с ее детьми. Власти годами бездействовали, сталкиваясь с ее ситуацией, однако национальные суды решили вдобавок переложить ответственность за это вопиющее бездействие на саму заявительницу. Особое беспокойство вызыва[ло] то, что национальные суды ссылались на этот вывод в качестве основания для оправдания лишения заявительницы родительских прав. Относительно другого вывода судов – о том, что заявительница не поддерживала своих детей финансово, – неясно был ли он основан на каких-либо доказательствах, помимо утверждения Э.Б. Даже если предположить, этот вывод был верным, Европейский Суд не посчитал, что заявительница должна была нести единоличную ответственность за это и что это может рассматриваться как достаточное основание для лишения ее родительских прав. В частности, учитывая давний конфликт между заявительницей и родственниками ее покойного мужа, в ходе национального разбирательства не было убедительно продемонстрировано, что у нее была реальная возможность оказать финансовую поддержку, пообщаться с родственниками покойного мужа и убедиться, что данная поддержка дойдет до ее детей. Фактически суды лишь кратко сослались на неспособность заявительницы оказать финансовую поддержку ее детям, не разъясняя, как они пришли к этому выводу (пункт 111 постановления).

Европейский Суд отклонил довод властей о том, что в отсутствие каких-либо объективных препятствий заявительница не имела возможности связаться со своими детьми и оказать им финансовую поддержку. Необоснованность указанных судебных заключений настолько поразительна и ощутима даже на первый взгляд, что их можно рассматривать как исключительно произвольные. Опираясь на данные заключения в качестве основания для лишения заявительницы родительских прав, суды произвольно применяли соответствующие положения национального законодательства. В связи с этим Европейский Суд отметил постановление от 27 мая 1998 года¹⁶, в котором Верховный Суд Российской Федерации заявил, что только в случае доказанного виновного поведения родители могут быть лишены родительских прав по основаниям, установленным в статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации; родители, не выполнившие свои родительские обязанности по независящим от них причинам, не должны быть лишены родительских прав; и даже там, где было установлено виновное поведение родителей, лишение родительских прав не должно быть автоматическим (пункт 112 постановления).

Суд также посчитал – соответствующие судебные решения были неполными, поскольку в них не было должного учета наилучших интересов

¹⁶ Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».

детей. По мнению Суда: «заключения психологических экспертиз детей, представленные в контексте разбирательств в 2010 и 2012 годах, показали наличие эмоциональных связей между заявительницей и ее детьми..., разрыв которых может привести к пагубным последствиям и негативно повлиять на будущую жизнь детей..., и отсутствие таких связей между детьми и их родственниками по отцовской линии... Однако в ходе данного освидетельствования никогда не запрашивалось экспертное заключение по таким важным вопросам, как степень привязанности детей к матери, влияние, которое может иметь на них разрыв всех связей с ней, ее родительские способности и т.д.... Не было приведено никаких причин, объясняющих почему такая радикальная мера, как лишение единственного родителя родительских прав, отвечала бы интересам детей, и могут ли оправдать эту меру какие-либо весомые соображения, касающиеся их здоровья и развития. Более того, не было предпринято никаких попыток изучить эффективность менее радикальных альтернатив до того, как суд попытался разорвать связи между заявительницей и ее детьми, лишив ее родительских прав» (пункт 113 постановления).

Фактически суд первой инстанции ограничился краткой ссылкой на мнение двух старших дочерей заявительницы, которые заявили, что не хотят видеть свою мать, поскольку «она [опозорила] их» своей безнравственной жизнью. Следовало отметить, что в ходе предыдущих разбирательств суд критически оценил аналогичные показания дочерей заявительницы и отметил, что они жили со своим дядей Э.Б. в течение последних двух лет и не имели контактов с их матерью. Тем не менее в ходе разбирательства суд не высказался по этому вопросу, игнорируя доводы заявительницы о том, что она вообще не общалась со своими детьми, что родственники ее покойного мужа настроили детей против нее и что ее две старшие дочери отказались разговаривать с ней, когда она пыталась подойти к ним (пункт 114 постановления).

Суд напомнил: «дети имеют право быть заслушанными по затрагивающим их вопросам. В частности, поскольку дети взрослеют и с течением времени учатся выражать свое мнение, суды должны придавать должную значимость их мнению и чувствам, а также их праву на уважение их семейной жизни... В то же время эти взгляды не обязательно являются неизменными, и их возражения, которым необходимо уделять должное внимание, не всегда достаточно для того, чтобы отвергать интересы родителей, особенно в теме, касающейся регулярных контактов с их ребенком. Право ребенка выражать свои собственные взгляды не должно толковаться как эффективное предоставление детям безусловного права вето без учета каких-либо других факторов и без проведения проверки для определения их наилучших интересов. Более того, если суд основывает свое решение на показаниях детей, которые явно не могут сформировать и сформулировать свое мнение относительно своих желаний, например, из-за

противоречивых представлений о верности или их подверженности отчужденному поведению одного из родителей – такое решение может противоречить статье 8 Конвенции» (пункт 115 постановления).

Европейский Суд также отметил, что никто из четырех других детей заявительницы – Т., 2000 года рождения; Эл., 2002 года рождения; Ир., 2003 года рождения, и Р., 2006 года рождения, – не был заслушан национальными судами при рассмотрении дела. Суд указал на довод заявительницы о том, что неспособность суда первой инстанции заслушать Т. и Эл., которым на тот момент было тринадцать и одиннадцать лет, нарушила соответствующие требования внутреннего законодательства. Более того, не было получено экспертного заключения в отношении двух младших детей, Ир. и Р., о том, возможно ли, учитывая их возраст и зрелость, провести с ними беседу в суде с помощью специалиста по детской психологии, если необходимо (пункт 116 постановления).

Суд посчитал, что в процессе принятия решения были допущены недостатки и, следовательно, не было возможности установить наилучшие интересы детей. Суд заключил следующее: национальные власти превысили пределы свободы усмотрения, предоставленные им в соответствующей области. Лишение заявительницы родительских прав было произвольным и явно несопоставимым с законной целью, которую она преследовала. Отсюда следовало – вмешательство в ее право на уважение семейной жизни не было «необходимым в демократическом обществе». Такое произвольное вмешательство в одно из основополагающих конвенционных прав, по мнению Суда, не должно происходить в демократическом государстве, регулируемом верховенством права.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод решения Европейского Суда по жалобе № 36701/13 *«Олег Александрович Каровашкин и Виктория Александровна Александрова против Российской Федерации»* (вынесено 23 января 2020 года), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение их права на уважение семейной жизни по причине лишения их родительских прав в отношении их совместных детей, а также дана положительная оценка действиям данного суда при рассмотрении дела заявителей¹⁷.

Суд напомнил: «[в] настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей... Интересы ребенка предполагают необходимость сохранения связей ребенка с его или ее семьей, за исключением случаев,

¹⁷ Заявители жаловались на нарушение их права на уважение семейной жизни в связи с отказом национальных судов восстановить их родительские права и вернуть им двух их детей.

когда семья оказалась особенно неспособной, и это может нанести вред здоровью и развитию ребенка... Уважение единства семьи и воссоединение семьи в случае разлучения являются неотъемлемыми соображениями права на уважение семейной жизни в соответствии со статьей 8 [Конвенции]. Таким образом, в случае... [установления] опеки, ограничивающей семейную жизнь, позитивная обязанность властей заключается в принятии мер по содействию воссоединению семьи как можно скорее... В частности, взятие ребенка под опеку обычно следует рассматривать как временную меру, которая должна быть прекращена, как только позволят обстоятельства... В то же время совершенно ясно, что в интересах ребенка необходимо обеспечить его развитие в благоприятной для него среде, и нельзя заставить родителя в соответствии со статьей 8 принять такие меры, которые нанесут вред здоровью и развитию ребенка» (пункт 36 решения).

Суд продолжил: пределы свободы усмотрения, которые должны быть предоставлены компетентным национальным органам, будут варьироваться в зависимости от характера рассматриваемых вопросов и серьезности затрагиваемых интересов, таких как, с одной стороны, важность защиты ребенка в ситуации, которая оценивается как серьезно угрожающая его здоровью или развитию, и, с другой стороны, цель воссоединения семьи, как только позволят обстоятельства (пункт 37 решения).

Суд признал, что при принятии решений в такой важной области власти и суды сталкиваются с чрезвычайно сложной задачей. Кроме того, национальные власти будут иметь возможность непосредственно контактировать со всеми заинтересованными лицами, зачастую на том самом этапе, когда предусматриваются меры по уходу, или сразу же после их осуществления. Поэтому необходимо предоставить им определенные пределы свободы усмотрения при принятии решения о том, как наилучшим образом изучать рассматриваемые ими дела, и, соответственно, задача суда состоит не в том, чтобы заменить собой внутригосударственные органы власти, а в том, чтобы пересмотреть в свете Конвенции постановления и оценки, принятые этими органами при осуществлении ими их пределов свободы усмотрения (пункт 38 решения).

Для Суда стало значимым – тогда как границы между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со статьей 8 Конвенции не поддаются точному определению, применимые принципы, тем не менее, аналогичны. В частности, в обоих случаях решающим вопросом в этой области является вопрос о том, был ли соблюден справедливый баланс, который должен существовать между противоборствующими интересами – интересами ребенка, обоих родителей и общественного порядка – в рамках пределов усмотрения, предоставляемых государствам в данных вопросах, принимая во внимание, однако, что наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь и могут в зависимости от их характера и серьезности превалировать над интересами

родителей. Важно, чтобы решения компетентных национальных органов основывались на «значительных и достаточных» основаниях, а процесс принятия решений, рассматриваемый в целом, был справедливым и обеспечивал заявителям необходимую защиту их интересов, гарантированных статьей 8 Конвенции (пункт 39 решения).

Ключевой вопрос, по мнению Суда, заключался в том, выполнили ли внутригосударственные органы власти в период с 6 июля 2012 года, когда заявители были лишены родительских прав¹⁸, до 27 марта 2013 года¹⁹ свое обязательство по воссоединению заявителей с их детьми с должным учетом наилучших интересов детей.

Суд отметил – заявители изначально были лишены родительских прав, а их дети были изъяты у них судебным решением от 6 июля 2012 года. В этом решении национальный суд подчеркнул серьезный и систематический характер злоупотребления заявителями алкоголем и тот факт, что они пренебрегали своими родительскими обязанностями, в том числе регулярно подвергали жизни своих маленьких детей опасности (пункт 41 решения).

Суд установил следующее – на момент подачи заявителями иска о восстановлении родительских прав и возвращении своих детей последние находились на государственном попечении менее шести месяцев, что само по

¹⁸ В соответствии с решением от 6 июля 2012 года А. и Д. были помещены в приемную семью и детский дом.

¹⁹ 27 марта 2013 года областной суд оставил решение от 24 января 2013 года без изменений, рассмотрев его в апелляционном порядке. Он отметил, в частности, следующее: суду первой инстанции не были представлены какие-либо неопровержимые доказательства того, что передача детей их семье будет иметь положительный эффект и не повлечет за собой какого-либо риска для их жизни или здоровья. Районный суд справедливо пришел к выводу – лишение заявителей родительских прав должно быть продолжено. Его решение было основано на значительных и достаточных основаниях с учетом установленного факта непосредственной опасности для детей, которую представляют их родители.

17 декабря 2012 года заявители обратились в суд с иском о восстановлении родительских прав в отношении двух своих сыновей и возвращении им детей. Они утверждали, что изменили свое поведение и образ жизни, перестали употреблять алкоголь, нашли работу и имеют стабильный доход, позволяющий им материально обеспечивать своих детей. В последнем случае заявители указали – они регулярно выплачивали алименты на содержание детей согласно решению от 6 июля 2012 года и не имели задолженности в этом отношении. У них было место проживания со всеми необходимыми условиями, пригодными для воспитания и развития детей. Они заботились о своих детях, регулярно посещали их в соответствующих государственных учреждениях, приносили им одежду, игрушки, фрукты и сладости. Заявители настаивали на том, что их положение улучшилось и теперь они в полной мере могут взять на себя ответственность за своих детей и воспитывать их самостоятельно. Суд рассмотрел дело 24 января 2013 года. На основе исследованных доказательств суд счел – удовлетворение иска заявителей будет противоречить интересам их детей и, соответственно, отказал в его удовлетворении.

себе не представлялось чрезмерным. Кроме того, в течение этого периода заявители имели неограниченный доступ к своим детям и могли часто посещать их в государственных учреждениях и таким образом поддерживать с ними регулярные контакты. Тот факт, что посещения заявителей были регулярными и частыми был упомянут заявителями в их иске о восстановлении родительских прав и возвращении им детей, подтвержден представителями государственных учреждений, в которые были помещены дети заявителей, и в отчете психологической экспертизы, а также установлен национальным судом (пункт 42 решения).

Суд обратил внимание – в ходе разбирательства, которое было возбуждено заявителями, желающими восстановить родительские права и вернуть себе детей, национальные суды двух уровней юрисдикции оценивали ситуацию в свете имеющихся на тот момент доказательств. В частности, они отметили позитивные изменения в поведении и образе жизни заявителей; тот факт, что они перестали употреблять алкоголь, нашли работу и следили за порядком в своем доме; что они часто навещали своего старшего ребенка и что вторая заявительница также регулярно навещала младшего ребенка (пункт 43 решения).

Тем не менее внутригосударственные суды приняли во внимание тот факт, что небрежное отношение заявителей к своим детям продолжалось в течение трех лет и носило весьма серьезный характер. Действительно, семья заявителей впервые обратила на себя внимание социальных служб в 2009 году, когда у них родился первый ребенок; в то время они находились под наблюдением этого органа и неоднократно включались в список семей, находящихся в социально-опасном положении из-за злоупотребления алкоголем и неспособности обеспечить безопасную среду для своих детей. Они не были лишены родительских прав до 6 июля 2012 года. В течение всего этого периода заявители не изменили своего поведения или отношения к своим родительским обязанностям, несмотря на помощь социальных служб. Суды также приняли во внимание отчет о психологическом освидетельствовании заявителей, который показал, что, не взирая на регулярную связь, которую заявители поддерживали со своими детьми после лишения их родительских прав, их отношения с детьми были поверхностными и у них не развилась искренняя привязанность к ним.

Суд подчеркнул, что до лишения заявителей родительских прав злоупотребление алкоголем и пренебрежительное отношение к своим детям носили серьезный, постоянный и продолжительный характер. Хотя после того, как их лишили родительских прав, они, наконец, изменили свое поведение и улучшили свои условия жизни, период, в течение которого были заметны эти позитивные изменения, был слишком непродолжительным. Поэтому национальные суды не были убеждены в том, что возвращение детей их родителям было бы безопасным. Таким образом, они пришли к

выводу: восстановление родительских прав заявителям и возвращение им детей не будет отвечать наилучшим интересам детей (пункт 46 решения).

Исходя из этого Суд посчитал, что национальные суды провели детальную и тщательно взвешенную оценку положения заявителей и потребностей их детей; они тщательно рассмотрели соответствующие факты и должным образом учли наилучшие интересы детей. Принимая во внимание тот факт, что национальные суды имели возможность контактировать со всеми заинтересованными сторонами, Суд резюмировал – они предоставили «значительные и достаточные» основания для своих решений в пределах своей свободы усмотрения. Он не усмотрел оснований для отклонения выводов национальных судов в обстоятельствах настоящего дела.

Что касается процесса принятия решений, то Суд отметил: «национальные суды рассматривали иск заявителей на двух уровнях юрисдикции. Суд первой инстанции заслушал ряд свидетелей, в том числе тех, кто поддержал иск заявителей..., и получил заключение эксперта... Заявители приняли участие в разбирательстве и смогли представить письменные и устные доказательства. В судебных решениях содержались исчерпывающие обоснования их выводов и рассматривались аргументы, выдвинутые заявителями. Таким образом, Суд удовлетворен тем, что внутренний процесс принятия решений был справедливым и обеспечил заявителям необходимую защиту их прав, гарантированных статьей 8 Конвенции» (пункт 48 решения).

В свете вышеизложенного Суд пришел к выводу – внутригосударственные органы власти не нарушили своего обязательства по воссоединению заявителей с их детьми в обстоятельствах настоящего дела.

защита права дедушки, бабушки на общение с ребенком

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 38201/16 **«Богоносовы против Российской Федерации»** (вынесено 5 марта 2019 года, вступило в силу 9 сентября 2019 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с неэффективным рассмотрением судом апелляционной жалобы заявителя на решение районного суда, которым была удочерена внучка заявителей. Отмечено, что при вынесении апелляционного определения суд должен был по собственной инициативе рассмотреть вопрос о дальнейшем общении заявителей с их внучкой. Заявители жаловались на нарушение их права на поддержание семейных связей с их внучкой после ее удочерения.

Суд повторил, что между бабушкой и дедушкой и внуками может существовать «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции, если между

ними существуют достаточно тесные семейные связи. Хотя совместное проживание не является обязательным условием, так как достаточно наличия тесных отношений, возникающих в результате частого общения, отношения между ребенком и его бабушкой и дедушкой, с которыми он жил некоторое время, обычно считаются входящими в эту категорию (пункт 79 постановления)²⁰.

Суд вновь отметил: «в делах, в которых было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать поддержанию этой связи. Отношения между бабушкой и дедушкой и внуками отличаются по степени и характеру от отношений между родителями и ребенком, и поэтому обычно требуют меньшей степени защиты. Право на уважение семейной жизни бабушек и дедушек и их внуков в первую очередь влечет право поддерживать нормальные отношения между бабушками и дедушками и внуками посредством общения между ними, которое обычно происходит по договоренности с лицом, выполняющим обязанности родителя» (пункт 82 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что усыновление прекращает правовые отношения между ребенком и его биологическими родителями, а также его родной семьей, и, следовательно, предусмотренное Конвенцией обязательство по обеспечению семейных связей, неизбежно меняется (пункт 83 постановления).

Суд отметил следующее – в настоящем деле в ходе производства по делу об удочерении национальные суды не рассматривали вопрос об общении после удочерения и, следовательно, вопрос о том, следует ли сохранить семейную связь между вторым заявителем и его внучкой после ее удочерения.

Суд напомнил: «вмешательство нарушает статью 8 Конвенции за исключением случаев, когда оно осуществлено «в соответствии с законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 2, а также является необходимым в демократическом обществе для достижения этих целей». Суд рассмотрел вопрос о том, было ли

²⁰ «В настоящем деле второй заявитель [дедушка] заботился о своей внучке М. в течение пяти лет, с мая 2008 года, когда она переехала к нему вместе со своей матерью в возрасте одного года и восьми месяцев в результате тяжелой болезни ее матери и смерти в апреле 2011 года, и до июля 2013 года, когда девочка переехала к своим будущим приемным родителям г-ну и г-же З. Он также являлся опекуном М. с мая 2011 года по декабрь 2013 года. Суд убежден в том, что между вторым заявителем и ребенком была семейная жизнь по смыслу статьи 8 Конвенции. Данный факт сторонами не оспаривался» (пункт 80 постановления).

рассматриваемое вмешательство предусмотрено законом (пункт 86 постановления)²¹.

По мнению Суда, в соответствии с его прецедентной практикой, «формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая мера имела определенную основу во внутригосударственном законодательстве и была совместимой с верховенством права, то есть была доступной, предсказуемой и сопровождалась необходимыми процессуальными гарантиями, обеспечивающими адекватную правовую защиту от произвольного применения соответствующих законоположений» (пункт 87 постановления).

Суд обратил внимание, что согласно внутригосударственному законодательству Российской Федерации усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязательств, в частности, перед своими родственниками. Однако если по просьбе бабушки и дедушки усыновленного ребенка суд, рассматривающий дело об усыновлении, исходя из интересов ребенка, решает сохранить их неимущественные и имущественные права и обязанности в отношении ребенка, то такие родственники могут потребовать установить порядок их общения с ребенком в соответствии со статьей 67 Семейного кодекса Российской Федерации. В этой связи Суд отметил, что второй заявитель не обращался в районный суд, рассматривавший дело об удочерении в первой инстанции, с ходатайством об общении со своей внучкой после ее удочерения. Поэтому этот вопрос не был рассмотрен районным судом, и в резолютивной части решения об удочерении не было упоминания об общении ребенка и второго заявителя после удочерения, что привело к потере какой-либо правовой связи между ними и лишило его возможности добиваться общения с ребенком в соответствии со статьей 67 Семейного кодекса Российской Федерации с момента вступления в силу решения об удочерении 7 декабря 2013 года (пункт 88 постановления).

Суд учел довод второго заявителя о том, что он не обратился в районный суд, рассматривавший дело об удочерении в первой инстанции, с ходатайством о сохранении личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей в отношении его внучки в связи с тем, что районный суд не вызвал его для участия в рассмотрении дела об удочерении. Однако Суд указал следующее – внутригосударственное законодательство не предусматривало обязательного присутствия второго заявителя в качестве опекуна ребенка при рассмотрении заявления об удочерении. Этот вопрос был оставлен на усмотрение суда, рассматривавшего дело об удочерении. Суд также подчеркнул, что второй заявитель был осведомлен о производстве

²¹ Суд отметил, что власти признали – в настоящем деле имело место вмешательство в право второго заявителя на уважение его семейной жизни по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции в связи с прекращением семейных связей с его внучкой после ее удочерения.

по делу об удочерении, дал письменное согласие на удочерение и выразил желание, чтобы дело было рассмотрено в его отсутствие. Следовательно, по мнению Суда, ничто не говорит о том, что второй заявитель не мог обратиться в районный суд с ходатайством о сохранении связи со своей внучкой после ее удочерения, или что решение районного суда об удочерении от 26 ноября 2013 года являлось незаконным (пункт 89 постановления).

Суд указал, когда второму заявителю стали ясны последствия рассмотрения дела об удочерении, повлекшего за собой разрыв семейных связей между вторым заявителем и его внучкой, и, возможно, после того, как его отношения с г-ном и г-жой З. ухудшились, второй заявитель возбудил два судебных разбирательства, пытаясь восстановить его общение с ребенком. В ходе первого из этих разбирательств второму заявителю удалось добиться восстановления процессуального срока для обжалования решения об удочерении и оспорить данное решение, в частности, на основании потери связи с внучкой после ее удочерения. Однако городской суд оставил его апелляционную жалобу без удовлетворения, не рассмотрев вопрос о том, уместно ли разрешить ему общаться со своей внучкой, заявив при этом, что он по-прежнему может обратиться в суд для определения порядка его общения с его внучкой в соответствии со статьей 67 Семейного кодекса (пункт 90 постановления).

Вместе с тем, когда второй заявитель возбудил дело против г-на и г-жи З. с целью устранения препятствий для его общения с внучкой и определения условий его общения с ней в соответствии со статьей 67 Семейного кодекса Российской Федерации, суды прекратили производство, заявив, что поскольку решение об удочерении от 26 ноября 2013 года не содержало указаний о сохранении семейных связей между вторым заявителем и его внучкой после ее удочерения, то он не имеет права требовать устранения препятствий для его общения с ребенком и определения условий его общения с ней (пункт 91 постановления).

Учитывая вышеизложенное у Суда возник вопрос о том, было ли внутригосударственное законодательство, регулирующее вопрос общения между усыновленным ребенком и его родственниками после его усыновления, достаточно ясным и предсказуемым в своем применении, поскольку оно не предусматривает прямо, что права родственников усыновленного ребенка были переданы усыновителям или иным образом прекращены при усыновлении, если только в ходе процедуры усыновления родственниками не было подано ходатайство о продолжении отношений, включая общение, и в решении об усыновлении не содержится конкретного положения в их отношении (пункт 92 постановления).

Если допустить, что это подразумевалось в соответствующих положениях внутригосударственного законодательства, после того, как районный суд удовлетворил ходатайство второго заявителя о восстановлении

процессуального срока для обжалования решения об усыновлении, именно городской суд, рассматривавший жалобу второго заявителя, должен был рассмотреть вопрос о том, должен ли он общаться с ребенком после удочерения, определив, в частности, отвечает ли это интересам ребенка, и, если да, то он должен был включить соответствующее положение в резолютивную часть решения об усыновлении. Вместо этого городской суд оставил решение об удочерении без изменений и заставил второго заявителя полагать, что он может решить вопрос о его общении с внучкой после завершения производства по делу об удочерении в порядке, предусмотренном статьей 67 Семейного кодекса Российской Федерации. В действительности ему не было доступно такое средство правовой защиты, поскольку, как установили городской и районный суды в ходе разбирательств по статье 67, в отсутствие в решении об удочерении конкретного положения о продолжении общения после удочерения, он не мог обратиться с ходатайством об определении порядка общения (пункт 93 постановления).

Таким образом, в результате толкования и применения городским судом соответствующих положений внутригосударственного законодательства в рамках возобновленного производства по делу об удочерении, второй заявитель был полностью и автоматически исключен из жизни его внучки после ее удочерения, даже несмотря на то, что в ходе разбирательств в городском суде поднимался вопрос об общении после удочерения (пункт 94 постановления).

Учитывая вышеизложенное и исходя из предположения о том, что внутригосударственное законодательство Российской Федерации, регулировавшее вопрос об общении между усыновленным ребенком и его или ее родственниками после усыновления, было достаточно ясным, Суд счел – городской суд не рассмотрел по существу вопрос об общении второго заявителя с его внучкой после ее удочерения, что представляло собой неуважение семейной жизни второго заявителя. Следовательно, в деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции (пункт 95 постановления).

*защита права лица на уважение семейной жизни в аспекте неисполнения
(несвоевременного исполнения) судебных актов*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод вышеприведенного постановления Европейского Суда по жалобе № 56987/15 «**А.Б.В. против Российской Федерации**» (вынесено 2 октября 2018 года, вступило в силу 2 января 2019 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением прав заявителя на уважение семейной жизни ввиду необеспечения исполнения

решения суда об установлении отцовства и определении порядка общения с ребенком²².

См. также неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 62526/15 *«Муружева против Российской Федерации»* (вынесено 15 мая 2018 года, вступило в силу 15 августа 2018 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением прав заявительницы на уважение семейной жизни ввиду длительного неисполнения решения об определении с ней места жительства ее детей²³.

В сфере гражданского судопроизводства

право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 24816/17 и по 4 другим жалобам *«Алексеев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 февраля 2019 года), в котором установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, содержащихся под стражей или отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских исков²⁴.

Европейский Суд напомнил: «...во многих ранее вынесенных постановлениях он уже излагал общие принципы соблюдения права эффективно представлять свои интересы в суде наравне с противоположной стороной на основании принципа равноправия сторон в соответствии со статьей 6 Конвенции... Анализ Европейского Суда предполагаемого нарушения права на справедливое судебное разбирательство в делах, когда находящиеся под стражей заявители жаловались на отсутствие возможности лично присутствовать во время слушания по гражданским делам, включает в себя следующие аспекты: анализ способа оценки внутригосударственными судами необходимости в личном присутствии заявителей, а также установление факта принятия или непринятия внутригосударственными

²² Подробнее информацию об этом постановлении см. в подразделе «вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов (в том числе в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

²³ Там же.

²⁴ Заявители жаловались на нарушение их права на справедливое рассмотрение дела в связи с отказом судов удовлетворить их ходатайства о личной явке в суд.

судами процессуальных мер для обеспечения эффективного участия заявителей в судебных процессах» (пункт 7 постановления)²⁵.

Рассмотрев все представленные материалы, Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые позволили бы ему прийти к иному выводу относительно приемлемости и существования данных жалоб. Принимая во внимание устоявшуюся практику по данному вопросу, Европейский Суд резюмировал, что в настоящих делах суды лишили заявителей возможности эффективно представлять свои интересы в суде и не выполнили своих обязательств по соблюдению принципа справедливого судебного разбирательства.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 20489/07 *«Уруков против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду отказа национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся.

Суд отметил, что заявитель был стороной разбирательства, где должно было быть установлено его отцовство. Он отсутствовал на слушаниях в судах, поскольку в это время он содержался под стражей в период предварительного следствия. В постановлениях национальных судов не рассматривался вопрос о том, был ли характер спора об отцовстве таким, чтобы требовалось присутствие заявителя, и могло ли его присутствие иметь важное значение для обеспечения общей справедливости судопроизводства.

Судом было установлено – районный суд отказал заявителю в присутствии на слушаниях только ввиду того, что в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации нет особых правил, предусматривающих осуществление права на личное участие стороной дела, находящейся в заключении. Суд последовательно каждый раз отклонял такой подход со стороны судов как излишне формалистический, отмечая, что отсутствие законоположений о присутствии заключенных на слушаниях не может толковаться как достаточные основания для лишения их права участвовать. Ссылка на техническую причину без рассмотрения вопроса по существу о том, является ли характер спора таковым, чтобы требовалось личное присутствие стороны дела, несовместима с подлинным уважением принципа справедливого судебного разбирательства, поскольку нельзя ожидать от заявителя принятие на себя ответственности из-за неспособности законодателя предусмотреть особую ситуацию находящейся в заключении стороны гражданского судопроизводства (пункт 36 постановления).

²⁵ В ведущем постановлении от 16 февраля 2016 года по делу *«Евдокимов и другие против Российской Федерации»* (жалобы № 27236/05 и 10 других жалоб) Европейский Суд уже устанавливал нарушение, аналогичное тому, что рассматривается в настоящем деле.

Суд обратил внимание: «что, отправив судебное поручение, районный суд попытался ввести определенные меры, способные уменьшить препятствия, которые возникли бы из-за отсутствия заявителя в зале суда. Опрос заключенного под стражу за пределами зала суда согласуется с понятием справедливого судебного разбирательства при условии, что заключенный под стражу всегда осведомлен о доводах противоположной стороны и может в полной мере и надлежащим образом ответить на них... [Однако,] [з]аявитель был опрошен всего один раз, более чем за неделю до слушания, которое завершилось вынесением решения суда против него. Ему не была предоставлена возможность ответить на доводы другой стороны или оспорить их доказательства. Неспособность обеспечить его эффективное участие в разбирательстве приобре[ло] большее значение в свете того факта, что предыдущее решение районного суда было отменено, поскольку отсутствие заявителя, когда он был на свободе, лишило его возможности задать вопросы эксперту-генетику» (пункт 37 постановления).

Суд отметил, что заявитель не принимал участия в кассационном производстве, и что вышестоящий суд не оценил влияние его отсутствия на справедливость разбирательства.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 32013/07 *«Попов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отказом национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся.

Европейский Суд зафиксировал – в рамках судебных разбирательств заявитель выразил желание присутствовать в суде кассационной инстанции лично. Но ему было отказано в предоставлении разрешения на личное присутствие в зале суда со ссылкой на отсутствие какой-либо правовой нормы, делающей его присутствие обязательным. Европейский Суд вновь отверг данный подход как чрезмерно формалистический, поскольку отсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда. Вопреки утверждению властей о том, что заявитель мог бы эффективно представить объяснения по своему делу в судах, поскольку он был надлежащим образом проинформирован о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителя о сроках кассационного рассмотрения было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло ему лично присутствовать в зале суда (пункт 29 постановления).

Суд обратил внимание на то, что суды кассационной инстанции не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителем, и имело ли его непосредственное присутствие в

зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, суд кассационной инстанции отказал заявителю в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существа соответствующих разбирательств, и не известил его о данном решении в достаточной мере заблаговременно.

Европейский Суд также отметил следующее – эффективное участие заявителя в заседаниях судов кассационной инстанции также могло быть обеспечено посредством процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания. Как усматривалось из текста постановления, кассационные суды вообще не рассматривали данные варианты и приступили к слушанию соответствующего дела, по сути, не информируя заявителя о возможных способах компенсировать его отсутствие в зале суда. В результате заявитель не смог принять решение о дальнейшем плане действий по защите своих прав и был лишен возможности эффективно представить свои объяснения по делу в апелляционных судах, в нарушение статьи 6 Конвенции (пункт 31 постановления).

Принимая во внимание свою устоявшуюся практику и обстоятельства дела, Европейский Суд резюмировал: «отказав заявителю на основании недостатков отечественного законодательства в представлении возможности присутствовать в заседаниях судов кассационной инстанции в рамках гражданского процесса, стороной которого он являлся, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволявшие обеспечить заслушивание доводов заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции» (пункт 32 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по следующим жалобам, по результатам рассмотрения которых также было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, содержащихся под стражей или отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, в судебных заседаниях по гражданским делам:

№ 28590/11 и по 3 другим жалобам *«Антипин и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2018 года);

№ 43852/12 *«Беляев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 января 2019 года);

№ 17071/05 и по 5 другим жалобам *«Божков и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 апреля 2018 года);

№ 61662/13 и 5 других жалоб *«Гордеев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 года);

№ 34636/09 *«Горячкин против Российской Федерации»* (вынесено 15 ноября 2016 года и вступило в силу 15 февраля 2017 года);

№ 59591/12 и по 2 другим жалобам *«Громовой и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 ноября 2017 года);

№ 42399/13 и по 8 другим жалобам *«Игранов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 20 марта 2018 года и вступило в силу 10 сентября 2018 года);

№ 38777/04 и 5 других жалоб *«Ковалев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 года);

№ 61766/11 и по 7 другим жалобам *«Кожокар и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 года);

№ 17181/09 *«Лесникович против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 апреля 2018 года);

№ 11436/06 и 22912/06 *«Митянин и Леонов против Российской Федерации»* (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года);

№ 48836/09 и по 4 другим жалобам *«Чепинога и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 года);

№ 2199/05 и по 7 другим жалобам *«Чернов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы эффективного расследования указанных фактов

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 43852/12 *«Беляев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 января 2019 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников лечебно-профилактического учреждения и необеспечением эффективного расследования соответствующего факта²⁶.

²⁶ Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявитель жаловался на то, что был сильно избит сотрудниками администрации учреждения 2 октября 2007 года и расследование было неэффективным.

Предполагаемое жестокое обращение и установление фактов

Суд неоднократно напоминал, статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающие достоинство обращение или наказание независимо от поведения жертвы (пункт 39 постановления).

Европейский Суд подчеркнул: «содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении и что в обязанность властей входит защита их физического благополучия... Любое применение физической силы к лицу, лишенному свободы, за исключением случаев, когда это вызвано строгой необходимостью вследствие его собственного поведения, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением права, закрепленного в статье 3 Конвенции» (пункт 40 постановления).

Суд, прежде всего, отметил, – стороны не оспаривали тот факт, что 2 октября 2007 года сотрудники администрации лечебного профилактического учреждения применили в отношении заявителя физическую силу и избили его резиновыми дубинками. Власти утверждали следующее – сила была применена на законных основаниях в ответ на несдержанное поведение заявителя и не превышала необходимого и приемлемого уровня в обстоятельствах настоящего дела.

Как следовало из медицинских заключений, упомянутых в уголовном деле в отношении сотрудников администрации учреждения, гематомы заявителя были вызваны применением силы сотрудниками администрации учреждения 2 октября 2007 года. В частности, врач, который осмотрел заявителя сразу после рассматриваемого инцидента, зафиксировал гематомы на его ягодицах. Кроме того, в приговоре от 2 сентября 2008 года, вынесенном по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя в связи с неповиновением сотрудникам администрации учреждения, содержится описание избиения заявителя. В частности, в нем говорится, что, как было установлено присяжными в их вердикте, после того, как заявитель ударил одного из сотрудников, он получил «не менее десяти» ответных ударов руками, ногами и дубинками. Таким образом, было «вне разумного сомнения» установлено, что администрации учреждения нанесли заявителю несколько ударов резиновыми дубинками (пункт 42 постановления).

Суд посчитал очевидным: акты насилия в отношении заявителя были совершены сотрудниками администрации учреждения при исполнении ими своих обязанностей. Суд отметил довод властей о том, что сила была применена законно в ответ на ненадлежащее поведение заявителя, заявитель не отрицал – он вел себя вызывающе по отношению к сотрудникам администрации учреждения (пункт 43 постановления).

Суд вновь напомнил, что применение силы может иногда быть необходимым для обеспечения безопасности в тюрьме, поддержания порядка и предотвращения преступлений в исправительных учреждениях. Однако

такая сила может быть применена только при необходимости и не должна быть чрезмерной (пункт 44 постановления).

В настоящем деле Суд признал (и этот вывод подтверждался выводами внутригосударственных органов власти), что сотрудники администрации учреждения использовали дубинки в ответ на отказ заявителя выполнить их приказы в соответствии с законом. Однако то, каким образом внутригосударственное законодательство регулирует применение силы в отношении заключенных, не освобождает Российскую Федерацию от ее обязанностей по Конвенции. Суд должен был изучать предполагаемые нарушения статьи 3 с особой бдительностью, независимо от поведения заявителя (пункт 45 постановления). Суд отметил, что в ходе разбирательства на внутригосударственном уровне было установлено следующее – заявитель не подчинился приказам сотрудников администрации учреждения и нанес одному из них удар. При таких обстоятельствах сотрудникам администрации учреждения, возможно, пришлось прибегнуть к физической силе, чтобы защитить себя. Тем не менее Суд не убежден – избиение заключенного дубинкой способствовало достижению желаемого результата.

Суд не усмотрел необходимости, которая могла оправдать применение резиновых дубинок в отношении заявителя. Напротив, действия сотрудников администрации учреждения были несоразмерны вменяемым заявителю нарушениям и явно не соответствовали целям, которых они стремились достичь. Власти не дали какого-либо правдоподобного объяснения тому, почему несколько сотрудников администрации учреждения, столкнувшись всего с одним заключенным, не могли урегулировать конфликт без применения дубинок. По мнению Суда, использование дубинок при таких обстоятельствах представляло собой карательную меру или телесное наказание (пункт 47 постановления). Суд также посчитал, что количество и расположение причиненных заявителю телесных повреждений указывало на достаточно сильное избиение сотрудниками администрации учреждения, которое приравнивается к бесчеловечному обращению, запрещенному статьей 3.

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд резюмировал – было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте.

Эффективность расследования

Суд напомнил, когда лицо выдвигает небезосновательную жалобу на, что оно подверглось жестокому обращению со стороны сотрудников полиции в нарушение статьи 3 Конвенции, то положения этой статьи подразумевают следующее – требуется проведение эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных. Минимальные стандарты эффективности, выработанные практикой Суда, также требуют, чтобы

расследование было независимым, беспристрастным и открытым для общественного контроля, и чтобы компетентные органы действовали с образцовым усердием и оперативностью (пункт 50 постановления).

Суд отметил, что события, на которые жаловался заявитель, произошли под контролем властей и они были прекрасно осведомлены о них. В тот день, когда заявитель был избит сотрудниками администрации учреждения за отказ проходить личный досмотр, его доставили к врачу, который зафиксировал несколько гематом. Заявитель довел информацию об инциденте до сведения администрации учреждения. Суд пришел к выводу – вышеуказанные соображения вызвали обоснованное подозрение в том, что его телесные повреждения могли быть причинены представителями государства и данный вопрос был надлежащим образом доведен до сведения компетентных органов. Следовательно, на этих компетентных органах лежало обязательство по проведению эффективного расследования, удовлетворяющего требованиям статьи 3 Конвенции (пункт 51 постановления).

Суд также отметил, 28 января 2009 года в отношении сотрудников администрации учреждения было возбуждено уголовное дело по подозрению в злоупотреблении должностными полномочиями. Впоследствии производство по делу несколько раз приостанавливалось, и постановления следователей отменялись вышестоящими лицами или судами по причине различных недостатков. При таких обстоятельствах Суд не смог прийти к выводу о том, что расследование было своевременным и тщательным (пункт 52 постановления). Суд посчитал – власти не провели эффективного расследования по утверждениям заявителя о жестоком обращении, как того требует статья 3 Конвенции.

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобам № 11436/06 и 22912/06 *«Митянин и Леонов против Российской Федерации»* (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции *в связи с незаконным содержанием заявителей под стражей*.

Суд обратил внимание: «29 января 2004 года... городской суд продлил срок содержания М. под стражей до 19 февраля 2004 года. 18 февраля 2004 года органы прокуратуры завершили предварительное следствие и передали дело в суд. Лишь 10 марта 2004 года городской суд вынес новое постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей. Впоследствии его иск о компенсации в связи с отсутствием какого-

либо действительного судебного постановления о содержании под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года был оставлен без удовлетворения. Суды сочли – в течение этого периода дело в отношении первого заявителя находилось на рассмотрении в суде первой инстанции и что его дальнейшее содержание под стражей являлось законным. Что касается жалобы Л. на его содержание под стражей с 20 февраля по 29 апреля 2004 года, то Европейский Суд отме[тил], что из имеющихся материалов не след[овало], что после истечения срока действия постановления о заключении под стражу 19 февраля 2004 года его содержание под стражей было законно продлено как минимум до 21 апреля 2004 года, когда... городской суд... санкционировал его содержание под стражей на период расследования²⁷. Принимая во внимание прецедентн[ую] [практику] по этому вопросу..., Суд при[шел] к выводу, что в деле имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием М. под стражей с 20 февраля по 10 марта 2004 года и содержания Л. под стражей с 20 февраля до 21 апреля 2004 года» (пункт 77 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 32013/07 *«Попов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции *в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей*.

Европейский Суд напомнил: «различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности. При определении того, имело ли место лишение свободы, Суд принимает во внимание целый ряд факторов, возникающих по каждому конкретному делу, таких как – тип, продолжительность, последствия и способ реализации рассматриваемых мер... Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было...» (пункт 19 постановления).

²⁷ Как усматривалось из текста постановления: «4 декабря 2003 года заявитель был задержан... по подозрению в совершении грабежа и кражи... 5 декабря 2003 года... городской суд вынес постановление о его заключении под стражу. 29 января 2004 года срок его содержания под стражей был продлен до 19 февраля 2004 года. В неустановленный день прокурор завершил расследование и передал материалы дела в суд. 21 апреля 2004 года судья вернул дело прокурору и постановил, что мера пресечения в виде содержания под стражей должна оставаться без изменений. 27 апреля 2004 года следователь распорядился освободить заявителя из-под стражи под подписку о невыезде. Однако заявитель освобожден не был» (пункт 33 постановления).

Что касается фактических обстоятельств дела, то Суд отметил: «по словам заявителя, сотрудники милиции воспрепятствовали его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя... В своих заявлениях власти не утверждали, что заявитель мог свободно покинуть отдел милиции, по крайней мере до того момента, пока ему не было разрешено это сделать. Кроме того, они не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделе милиции во время нахождения в нем заявителя. После того как был установлен тот факт, что заявитель не мог свободно покинуть отдел милиции, вопрос о том, прибыл ли он туда добровольно или же он был туда доставлен, который также был поднят государством-ответчиком, становится непринципиальным... Тот факт, что власти считали – заявитель не являлся задержанным по смыслу российского законодательства, не означал, что он не был лишен свободы в соответствии с положениями Конвенции... В данных обстоятельствах Суд [посчитал] установленным тот факт, что в рамках настоящего дела имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 20 постановления).

С учетом изложенного Европейский Суд должен был удостовериться в том, что «лишение заявителей свободы соответствовало требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Это явно не подпада[ло] под действие подпунктов «а», «d», «е» и «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Равным образом это не [охватывалось]... действие[м] подпункта «b», поскольку не име[лось] никаких доказательств того, что заявитель не выполнил любое законное распоряжение суда или какое-либо обязательство, предусмотренное законом. В действительности заявитель ответил на вопросы сотрудников милиции и повиновался их приказам... Кроме того, сторонами не оспарива[лся] тот факт, что заявитель не являлся официально подозреваемым или обвиняемым в совершении какого-либо преступления и до 18 июня 2007 года уголовное дело против него не возбуждалось... Совершенно очевидно, что лишение заявителя свободы, имевшее место 14 июня 2007 года, не могло быть осуществлено «с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 21 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

№ 11436/06 и 22912/06 *«Митянин и Леонов против Российской Федерации»* (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года);

№ 2199/05 и по 7 другим жалобам *«Чернов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года),

которыми установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции ввиду *длительного нахождения заявителей под стражей в ожидании приговора.*

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобам № 11436/06 и 22912/06 **«Митянин и Леонов против Российской Федерации»** (вынесено 7 мая 2019 года и вступило в силу 7 августа 2019 года), которым установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции *в связи с отказом в рассмотрении жалобы одного из заявителей на постановление суда от 1 февраля 2006 года об отклонении его ходатайства об освобождении из-под стражи.*

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

№ 17071/05 и по 5 другим жалобам **«Божков и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 12 апреля 2018 года);

№ 2199/05 и по 7 другим жалобам **«Чернов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года), которыми установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду *чрезмерно длительного рассмотрения жалоб заявителей на постановления о продлении срока содержания под стражей.*

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на участие защитника)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 2199/05 и по 7 другим жалобам **«Чернов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 года), которым установлено нарушение в отношении одного из заявителей подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции ввиду отсутствия защитника в ходе судебного разбирательства.

право на уважение частной (личной) жизни (незаконное проникновение сотрудников правоохранительных органов в жилище)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 20489/07 **«Уруков против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу

6 июня 2017 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду незаконного проникновения сотрудников правоохранительных органов в жилище.

Суд посчитал: «осмотр места жительства заявителя, независимо от его классификации по национальному законодательству и его фактической продолжительности, представля[л] собой вмешательство в право заявителя на уважение его жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции... Не име[ло] значения для вопроса о вмешательстве то, что эта мера была применена в отсутствие заявителя... Соответственно, необходимо [было] определить, было ли вмешательство оправданным согласно с пунктом 2 статьи 8, другими словами, было ли оно осуществлено «в соответствии с законом», преследовало одну или несколько законных целей, изложенных в этом пункте, и было ли «необходимым в демократическом обществе» для достижения рассматриваемых цели или целей» (пункт 44 постановления).

Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отметил, что в отношении визита сотрудников милиции, касательно которого была подана жалоба, не было издано предварительного судебного разрешения такого вида, которого требует Закон об оперативно-розыскной деятельности. Вопреки заявлению властей постановление о заключении под стражу не разрешало органам милиции вторгаться в жилое помещение или производить там обыск. Сотрудники милиции взяли на себя ответственность за проникновение в жилище заявителя, чтобы проверить информацию, которую они якобы получили, о нахождении заявителя в помещении (пункт 45 постановления).

Суд также обратил внимание: «положения Закона о милиции, упомянутые [властями Российской Федерации] в качестве правовой основы для обыска дома заявителя, были сформулированы в неопределенных и общих терминах и не мог[ли] служить в качестве достаточно предсказуемой правовой основы для вмешательства в настоящее дело... В любом случае ни одно из исключений, предусмотренных в Законе о милиции, не было применимо: очевидно, что при проникновении в жилище заявителя сотрудники милиции не преследовали подозреваемого или не пытались предотвратить чрезвычайную ситуацию, и не располагали информацией о каком-либо преступлении, которое было совершено в квартире» (пункт 46 постановления).

Суд пришел к выводу, что вмешательство в права заявителя не было «законным».

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.